

ISSN 2619–0214

**НАСЛЕДИЕ
И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

**2020, том 3
№ 2**

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Издаётся с 2018 года

2020, т. 3, № 2

ISSN 2619-0214

Международный научно-методический журнал
о культурном наследии

Включен в каталог периодических изданий Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory)
Размещается на платформах eLIBRARY.RU и КиберЛенинка

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.М. Валеев – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.М. Шульгин (шеф-редактор) – кандидат экономических наук (г. Москва, Россия)

Р.Р. Хайрутдинов – кандидат исторических наук, доцент (г. Казань, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.Г. Ситдинов (председатель) – член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, доктор исторических наук (г. Казань, Россия)

Г.Н. Василевич – кандидат экономических наук (с. Михайловское, Россия)

Ю.А. Веденин – доктор географических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Т.Ю. Гордеева – доктор культурологии, доцент (г. Казань, Россия)

О.М. Герасимов – доктор искусствоведения, профессор (г. Йошкар-Ола, Россия)

З.В. Доде – доктор исторических наук (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Д.Д. Иманкулов – доктор архитектуры, профессор (г. Бишкек, Кыргызстан)

О.А. Калимуллина – доктор педагогических наук, профессор (г. Казань, Россия)

В.Н. Калущков – доктор географических наук, профессор (г. Москва, Россия)

И.В. Ковтун – доктор исторических наук (г. Кемерово, Россия)

А.А. Литвин – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)

И.И. Лисович – доктор культурологии, профессор (г. Москва, Россия)

И.Э. Мартыненко – доктор юридических наук, профессор (г. Гродно, Беларусь)

А.Л. Маклыгин – доктор искусствоведения, профессор (г. Казань, Россия)

И.М. Миргалеев – кандидат исторических наук (г. Казань, Россия)

Ф.Г. Мухаметзянова – доктор педагогических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Е.И. Нарожный – доктор исторических наук (г. Краснодар, Россия)

М.Ф. Обыденнов – доктор исторических наук (г. Уфа, Россия)

О.Л. Панченко – кандидат социологических наук, доцент (г. Казань, Россия)

А.С. Пилипосян – доктор исторических наук (г. Ереван, Армения)

К.А. Руденко – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Г.Ф. Сулейманова-Валеева – доктор искусствоведения, профессор (г. Казань, Россия)

Р.Р. Султанова – доктор искусствоведения (г. Казань, Россия)

Р.Р. Тазетдинова – доктор философских наук, доцент (г. Казань, Россия)

Р.Р. Фахрутдинов – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)

А.В. Фахрутдинова – доктор педагогических наук, профессор (г. Казань, Россия)

Г.И. Фазылзянова – доктор культурологии, профессор (г. Москва, Россия)

Г.Е. Шкалина – доктор культурологии, профессор (г. Йошкар-Ола, Россия)

В.И. Яковлев – доктор исторических наук, профессор (г. Казань, Россия)

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

О.Е. Шгеле (ответственный секретарь) – кандидат географических наук (г. Москва, Россия)

С.И. Мурашкина (научный редактор) – кандидат географических наук (г. Москва, Россия)

Е.В. Витоль (ответственный за выпуск) – (г. Казань, Россия)

Редактор-составитель **М.А. Полякова** – кандидат исторических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Учредители: Хайрутдинов Рамиль Равилович, Ситдинов Айрат Габитович

Издатель: АНО «Институт культурного наследия»

Адрес: ул. Кремлёвская, 10/15, г. Казань, Россия, 420111. Тел.: +7 (843) 221-33-21

Email: worldheritage2018@mail.ru

Сайт: <https://n-i-s.ru>

Адрес редакции: ул. М. Межлаука, 3, каб. 117, г. Казань, Россия, 420008

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-71548 от 13.11.2017 (печатное СМИ, журнал)

Периодичность: 4 выпуска в год

Подписка и распространение: на оформлении

Дата выхода в свет: 27.07.2020. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70х108 1/16. Тираж 500 экз. Заказ № 6/7.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета.

Адрес: ул. Профессора Нужина, 1/37, г. Казань, Россия, 420008.

Тел.: +7 (843) 233-73-59; +7 (843) 233-73-28.

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции.

Распространяется бесплатно.

HERITAGE AND MODERN TIMES

Published since 2018

2020, vol. 3, no 1

ISSN 2619-0214

**International scientific-methodical journal
for cultural heritage issues**

Included in the Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory)
Placed in the platforms of eLIBRARY.RU and CyberLeninka

EDITOR-IN-CHIEF

P. Valeev – Doctor of History, Professor (Kazan, Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS

P. Shulgin (deputy editor-in-chief) – Ph.D. in Economics (Moscow, Russia)

R. Hayrutdinov – Ph.D. in History, Associate Professor (Kazan, Russia)

EDITORIAL BOARD

A. Sitdikov (Chairman) – Corresponding member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of History

G. Vasilevich – Ph.D. in Economics (Mikhailovskoe, Russia)

Y. Vedenin – Doctor of Geography, Professor (Moscow, Russia)

T. Gordeeva – Doctor of Culturology, Associate Professor (Kazan, Russia)

O. Gerasimov – Doctor of Arts, Professor (Yoshkar-Ola, Russia)

Z. Dode – Doctor of History (Rostov-on-Don, Russia)

D. Imankulov – Doctor of Architecture, Professor (Bishkek, Kyrgyz Republic)

O. Kalimullina – Doctor of Pedagogics, Professor (Kazan, Russia)

V. Kalutskov – Doctor of Geography, Professor (Moscow, Russia)

I. Kovtun – Doctor of History (Kemerovo, Russia)

A. Litvin – Doctor of History, Professor (Kazan, Russia)

I. Lisovich – Doctor of Culturology, Professor (Moscow, Russia)

I. Martynenko – Doctor of Law, Professor (Grodno, Republic of Belarus)

A. Maklygin – Doctor of Arts, Professor (Kazan, Russia)

I. Mirgaleev – Ph.D. in History (Kazan, Russia)

F. Mukhametzhanova – Doctor of Pedagogics, Professor (Kazan, Russia)

E. Narozhnyi – Doctor of History (Krasnodar, Russia)

M. Obydenov – Doctor of History (Ufa, Russia)

O. Panchenko – Ph.D. in sociological sciences, Associate Professor (Kazan, Russia)

A. Piliposyan – Doctor of History (Yerevan, Republic of Armenia)

K. Rudenko – Doctor of History, Professor (Kazan, Russia)

G. Suleimanova-Valeeva – Doctor of Arts, Professor (Kazan, Russia)

R. Sultanova – Doctor of Arts (Kazan, Russia)

R. Tazetdinova – Doctor of philosophical science, Associate Professor (Kazan, Russia)

R. Fakhrutdinov – Doctor of History, Professor (Kazan, Russia)

A. Fakhrutdinova – Doctor of Pedagogics, Professor (Kazan, Russia)

G. Fazylyzhanova – Doctor of Culturology, Professor (Moscow, Russia)

G. Shkalina – Doctor of Culturology, Professor (Yoshkar-Ola, Russia)

V. Yakovlev – Doctor of History, Professor (Kazan, Russia)

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP

O. Shtelev (Executive Secretary) – Ph.D. in Geography (Moscow, Russia)

S. Murashkina (Scientific Editor) – Ph.D. in Geography (Moscow, Russia)

E. Vitol (Executive Editor) – (Kazan, Russia)

Editor-compiler of the issue **M. Polyakova** – Ph.D. in History, Associate Professor (Moscow, Russia)

Certificate number

Certificate status

Media name

Date of registration

Distribution pattern

Periodicity

Distribution territory

Founders

Editorial address

Languages

Email:

website:

ПИ No.ФC 77 – 71548

Actual

Heritage and Modern Times

11/13/2017

Printed media-journal

4 issues per year (quarterly)

Russian Federation, foreign countries

Khayrutdinov Ramil, Sitdikov Ayrat

of. 117, 3, M. Mezhlauk str., Kazan,

Russia, 420008

Russian, English

worldheritage2018@mail.ru

https://n-i-s.ru

Approved for printing on 07.27.2020. Offset paper. Digital printing. Format 70x108 1/16. Circulation 500 pieces. Order No 6/7.
Printed from ready-to print file in the printing house of Kazan University Publishing house. 420008, Kazan, Prof. Nuzhin St., 1/37.
Ph.: +7 (843) 233-73-59; +7 (843) 233-73-28.

Reprint of materials is allowed with the written permission of editorial board only.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора-составителя	5
--------------------------------	---

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Веденин Ю.А. БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ И СОХРАНЕНИЮ НАСЛЕДИЯ	7
Кулешова М.Е. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОХРАНЫ НАСЛЕДИЯ В ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ	21
Стефко М.С. КОЛОНИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ФРАНЦУЗСКИХ МУЗЕЕВ И ПРОБЛЕМА РЕСТИТУЦИИ: ПО СЛЕДАМ ДИСКУССИИ ВОКРУГ ДОКЛАДА Б. САВУА – Ф. САППА	36

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

Полякова М.А. «НОВОДЕЛ» В УСАДЬБЕ: "PRO" ЕТ "CONTRA"	44
Трубецкая И.А. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ УСАДЕБНОГО НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)	54
Поляков С.А. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА В СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	63

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Юсупов Р.Р., Зиннурова А.Ф. ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТАТАРСКОГО ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И МАСТЕРА	74
Руденко К.А. МОТИВ ТРИЛИСТНИКА В ЮВЕЛИРНОМ ИСКУССТВЕ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ XI – НАЧАЛА XIII ВЕКА	80

CONTENTS

From the compiling editor	5
--	----------

THEORY AND HISTORY OF CULTURE

Vedenin Yu. BASIC PRINCIPLES OF CULTURAL AND LANDSCAPE APPROACH TO INVESTIGATION AND PRESERVATION OF HERITAGE	7
Kuleshova M. ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORMS OF TERRITORIAL HERITAGE PROTECTION IN THEIR INTERACTION	21
Stefko M. FRENCH MUSEUMS COLONIAL HERITAGE AND THE PROBLEM OF RESTITUTION: FOLLOWING THE DISCUSSION AROUND THE SAVOY-SARR REPORT	36

MUSEUM SCIENCE, CONSERVATION AND RESTORATION OF HISTORICAL AND CULTURAL OBJECTS

Polyakova M. “MODERN REPLICA” IN COUNTRY SEATS: “PRO” ET “CONTRA”	44
Trubetskaya I. CONTEMPORARY PROBLEMS OF PRESERVING COUNTRY ESTATES (THROUGH THE MOSCOW REGION EXAMPLE)	54
Poliakov S. INTERNATIONAL EXPERIENCE OF RISK MANAGEMENT APPLICATION IN THE FIELD OF CULTURAL HERITAGE	63

ART HISTORY

Yusupov R., Zinnurova A. FRAGMENTS OF MEDIEVAL TATAR DECORATIVE AND APPLIED ART HISTORY: CONTINUITY AND MASTERS	74
Rudenko K. TREFOIL MOTIF IN JEWELRY ART OF THE VOLGA BULGARIA IN XI – THE BEGINNING OF THE XIII CENTURY	80

От редактора-составителя

В данном номере представлены материалы межвузовского круглого стола «Культурное наследие в современном мире: вызовы XXI века», который был проведён в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) (Москва, июнь 2020 г.). Культурное и природное наследие охватывает практически все сферы материальной и духовной культуры, поэтому гуманитарное образование невозможно себе представить без изучения видового разнообразия памятников. На ряде факультетов РГГУ – в Историко-архивном институте, на факультете истории, политологии и права, факультете культурологии – преподаются специальные курсы по культурному наследию, туризму. Все кафедры факультета истории искусства рассматривают различные проблемы бытования культурного наследия, а кафедра музеологии вот уже тридцать лет работает со студентами (бакалаврами, магистрами) и аспирантами, при этом направленность учебного процесса звучит как «музеология и охрана объектов культурного и природного наследия».

Состояние отечественного культурного наследия очень непростое, многие объекты требуют неустанного внимания со стороны государства и профессионального сообщества. Круглый стол обсудил ряд острых вопросов, от решения которых зависит судьба многих уникальных объектов культурного наследия. Наиболее востребованным научным подходом в изучении и сохранении культурного наследия сегодня является территориальный подход, в основе которого лежит культурно-ландшафтная концепция. Понятие «культурного ландшафта», являющегося основным в культурной географии, востребовано в гуманитарном знании самыми различными специалистами.

Культурно-ландшафтная концепция сохранения наследия не оторвана от реальной жизни, она имеет самое непосредственное отношение к практике сохранения культурного и природного наследия, обосновывая важнейший региональный принцип, на котором должна строиться культурная политика, в том числе в музейной сфере, и по отношению к культурному наследию. Территориальный подход играет очень важную методологическую роль для исследований, проектных работ, связанных с различными направлениями музейной деятельности, а также с сохранением или актуализацией объектов культурного наследия.

Проблема актуализации и музеефикации культурного наследия активно обсуждается сегодня. Этот процесс в нашей стране сталкивается с рядом проблем, среди которых можно отметить разграничение прав собственности на объекты культурного наследия между федеральными и региональными органами, механизм налоговой политики, привлечение частных инвесторов и др.

При изучении современной ситуации в сфере охраны культурного наследия неизбежно обращение к проблеме подлинности. Новые рыночные отношения, которые буквально захлестнули все наше общество, бесспорно отразились и на культурном наследии. Процесс «капитализации» наследия превратил памятники в товар, который должен как можно быстрее и дороже быть продан. Отчётливо это видно на превращении объектов культурного наследия в объект туристского показа – все чаще туристские технологи и менеджеры предпочитают яркие, привлекательные для большей части туристических групп, объекты. Проблема подлинности объектов для них отходит на второй, третий план. Главное – подороже продать памятники броские, окутанные мифами и легендами, и далеко не всегда подлинность объекта играет основополагающую роль. Появился даже такой термин как «туристификация наследия», при этом «фантазийно» реконструированные объекты, а подчас и откровенные новоделы, все больше востребованы на туристском рынке.

При обсуждении ещё раз было подчёркнуто, что понятие «культурное наследие» имеет широкую трактовку, в основе которой – системные представления об обществе и окружающей среде. Комплексный и территориальный подход к охране наследия отражён и в ведущих международных документах: в материалах ЮНЕСКО, документах ИКОМОСа и других международных организаций. В выступлениях спикеров отмечалось, что деятельность этих организаций, в том числе законотворческая, должна быть отражена в учебном процессе при подготовке специалистов в сфере наследия.

М.А. Полякова профессор РГГУ, канд. ист. наук, доцент

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 911

БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ КУЛЬТУРНО- ЛАНДШАФТНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ И СОХРАНЕНИЮ НАСЛЕДИЯ

Ю.А. Веденин

vedenin37@gmail.com

Институт географии РАН
Москва, Россия

Аннотация. В статье обсуждаются актуальные проблемы изучения культурного и природного наследия. Особое внимание обращается на разработку методологических основ культурно-ландшафтного подхода к охране наследия. В качестве базовых принципов предлагается рассматривать взаимосвязь между культурой и природой, материальными и нематериальными компонентами наследия, невозможность сохранения наследия вне соответствующего пространства и исторического времени. Реализация этих принципов возможна только при условии участия в работе различных гуманитарных и естественных дисциплин, что обеспечит возможность рассмотрения наследия во всём его многообразии и в тесном взаимодействии с окружающей средой и ландшафтом.

Ключевые слова: наследие, культурный ландшафт, культурно-ландшафтный подход, окружающая среда, историческое время, циклическое время, историческая репрезентативность.

Благодарности: Статья выполнена в рамках ГЗ ИГ РАН «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности» № 0148-2019-0008, № АААА-А19-119022190170-1.

Для цитирования: Веденин Ю.А. Базовые принципы культурно-ландшафтного подхода к изучению и сохранению. *Наследие и современность*. 2020;3(2):7–20.

Современные подходы к сохранению наследия базируются на представлениях, сформировавшихся в рамках отдельных научных дисциплин: истории, искусствоведения, теории и истории архитектуры, археологии и различных областей естествознания, что не позволяет в полной мере учесть фундаментальную значимость наследия, его комплексность, характер его взаимодействия с различными общественными института-

ми и внешней средой. Необходима разработка нового междисциплинарного подхода к определению, выявлению и сохранению наследия. По нашему мнению, в основу этого подхода должны быть положены те же принципы, которые были сформулированы при разработке концепции культурного ландшафта как объекта наследия [1].

Назовём наиболее значимые из них:

- объект наследия как результат сотворчества и сотрудничества человека и природы;
- объект наследия как системное образование, включающее материальные и нематериальные компоненты;
- наличие тесных связей объекта наследия с ландшафтом и окружающим пространством;
- актуальность учёта положения объекта наследия в историческом и циклическом времени.

Первый принцип, определяющий суть культурно-ландшафтного подхода – это осознание тесной взаимосвязи между культурой и природой. Как известно, в Конвенции ЮНЕСКО 1972 года наследие подразделяется на две группы: культурное и природное. При этом все объекты наследия, независимо от принадлежности к той или иной группе, должны обладать универсальной ценностью – научной, исторической, эстетической или сакральной. Таким образом, различие между культурным и природным наследием заключается не в их ценностных характеристиках, а в особенностях их возникновения, что связано либо с деятельностью человека, либо с природными процессами. Однако при более тщательном их рассмотрении можно увидеть, что почти все они, в конечном счёте, сформировались и сохранились в процессе взаимодействия культуры и природы [2]. Наиболее полно это свойство наследия отражается в культурном ландшафте, который рассматривается как результат сотворчества человека и природы. Но все это действительно и для других видов наследия. Едва ли можно воспринимать архитектуру храмов Великого Новгорода, Старой Ладogi или Соловецкого монастыря без свободной пластики естественного камня, использовавшегося при их строительстве. Это особенно хорошо видно на примере стен и башен крепости Соловецкого монастыря (рис. 1). Об этом очень точно написал В.В. Скопин в своей книге о памятниках Соловецкого архипелага. «Спустя десятилетия, по мере увеличения военной опасности основным строительным материалом стал крупный валунный булыжник, которым в изобилии усеяны местные берега. Его скруглённые, различные по размеру, фактуре, цвету формы придают крепости редкую пластическую свободу, упругую мягкость линий и силуэтов» [3]. То же самое можно сказать о деревянных церквях, жилых домах, мельницах и амбарах Русского Севера. Именно брёвна, их форма, цвет и структура древесины придавали им особую красоту, делали эти строения столь гармоничными по отношению к окружающей среде (рис. 2).

Рис. 1. Соловецкий монастырь. Фото М.Е. Кулешовой

В связи с нашими размышлениями о взаимодействии человека и природы я хотел бы вспомнить Н.В. Гоголя: *«Словом, всё было хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда они соединяются вместе, когда по... труду человека пройдёт окончательным резцом своим природа, облегчит тяжёлые массы, уничтожит грубо осязательную правильность и нищенские прорехи, сквозь которые проглядывает нескрытый, нагой план, и даст чудную теплоту всему, что создалась в хладе размеренной чистоты и опрятности»* [4].

Рис. 2. Деревянные дома в селе Кимжа. Архангельская область. Фото Ю.А. Веденина

За то время, которое проходит с момента появления архитектурного сооружения, других объектов, созданных человеком, которые впоследствии становятся памятниками истории и культуры, у них возникает устойчивая связь с природой. В качестве примера можно указать на лишайники, без которых уже трудно представить стены Соловецкого монастыря. Сегодня лишайники воспринимаются как своеобразная патина времени, свидетельствующая о древности этого сооружения. Кроме того, лишайники защищают его от разрушительного воздействия природных явлений: резких перемен температуры, дождя, снега, ветра и т.д. [5].

При культурно-ландшафтном подходе к сохранению объектов культурного наследия в определение предмета охраны, в содержание отдельных видов деятельности, связанных с сохранением наследия, должны быть внесены серьёзные коррективы. Это касается всех типов объектов культурного наследия: памятников, ансамблей и достопримечательных мест.

Так, например, в предмет охраны архитектурных памятников обычно включают объёмно-пространственную структуру сооружения, архитектурную организацию фасадов, внешний и внутренний декор, инженерно-конструктивные элементы. При культурно-ландшафтном подходе в предмет охраны следует включить не только выше названные характеристики объекта, но и сохранившиеся фрагменты и даже следы инженерных устройств, связанных с защитой сооружений от возможных негативных последствий геологических и гидрологических процессов. На территории памятника предметом охраны должны стать система мелиоративных сооружений, следы изменений в рельефе, остатки насыпных грунтов и растительности, исторически связанных с этим строением.

С другой стороны, многие объекты природного наследия дошли до наших дней только благодаря особому отношению к ним со стороны человека. Это, прежде всего, сакральные объекты. К ним могут быть отнесены святыне, отдельные деревья, камни, родники, другие природные объекты, почитаемые сторонниками различных религий и конфессий. Некоторые природные объекты сохранились до наших дней, в связи с их особой ценностью в качестве охотничьих угодий, источников водоснабжения, мест произрастания полезных для человека растений. В качестве одного из таких примеров могут быть приведены места обитания диких пчёл на Урале, где до сих пор сохранилась такая редкая профессия как бортничество.

Многие природные заповедники, созданные с целью сохранения природного наследия, до сих пор хранят в себе память о деятельности людей, живших здесь в предшествующие годы. Это памятники археологии, древние монументы, образцы наскальной живописи, характер почвенного покрова и растительность.

Второй принцип, который должен быть положен в основу культурно-ландшафтного подхода – это представление об объекте наследия как сложной и целостной системе, объединяющей в себе материальные и нематериальные компоненты. Эта особенность наследия наиболее полно проработана в отношении культурных ландшафтов, где выделяется особый тип ландшафта – ассоциативный, т.е. ландшафт, хранящий в себе память о важнейших исторических событиях и выдающихся личностях, нашедший отражение в произведениях искусства, являющийся объектом религиозного почитания.

Нематериальная составляющая объекта наследия – это, прежде всего, знания, ассоциации, мифы и легенды, информация о традиционных формах природопользования, хозяйственной, социальной и культурной деятельности, в том числе местная топонимия. Почему мы придаём особенно большое значение именно нематериальной составляющей наследия? Фактически только через нематериальные характеристики объекта можно определить его ценность и придать ему статус наследия. Включение нематериальной составляющей в представление об объекте наследия позволяет значительно расширить его содержание и раскрыть её ценность. Это уже давно осознано музейным сообществом. Об этом ещё в 1936 году написал К.Г. Паустовский, рассказывая о своих впечатлениях от пребывания в Пушкинском Михайловском.

«Было раннее утро. Накрапывал дождь. Телега въехала в вековой сосновый лес. В траве, на обочине дороги, что-то белело. Я соскочил с телеги, нагнулся и увидел дощечку, заросшую вьюнком. На ней была надпись черной краской. Я отвел мокрые стебли вьюнка и прочел почти забытые слова: «В разны годы под вашу сень, Михайловские роци, являлся я». – Что это? – спросил я возницу. – Михайловское, – улыбнулся он. – Отсюда начинается земля Александра Сергеича. Тут всюду такие знаки поставлены. Потом я натыкался на такие дощечки в самых неожиданных местах: в некошенных лугах над Соротью, на песчаных косогорах по дороге из Михайловского в Тригорское, на берегах озер Маленца и Петровского – всюду звучали из травы, из вереска, из сухой земляники простые пушкинские строфы. Их слушали только листья, птицы да небо – бледное и застенчивое псковское небо» [6].

Ценность многих объектов наследия обусловлена их связью с творчеством выдающихся писателей, поэтов, художников. Фактически именно художники или писатели являются подлинными творцами некоторых культурных ландшафтов, исторических поселений и даже отдельных памятников [2]. Вспомним Мещёру К.Г. Паустовского, Шахматово А. Блока, Чистый дор Ю.И. Ковалёва, Патриаршие пруды в Москве М.А. Булгакова или Дом на набережной (Москва, Болотная площадь) Ю.В. Трифонова.

Среди объектов наследия особое внимание обращается на места и объекты, рассказывающие о наиболее ярких событиях, которые там происходили. Все прекрасно знают о военных сражениях, произошедших много лет назад на Бородинском или Куликовом поле. Общественное значение этих мест предопределило отнесение этих мест к объектам культурного наследия (рис. 3). И это несмотря на то, что почти не осталось материальных свидетельств событий, происходивших там много лет назад. Для того, чтобы подтвердить ценность этих мест и сделать их доступными для публики, на основании исторических данных, рассказов современников и литературных источников были воссозданы некоторые из бывших здесь когда-то укреплений, восстановлены исчезнувшие в результате деятельности землепашца или природных процессов траншеи, окопы и редуты. Кроме того, посетитель этих мест на основании путеводителей, рассказов экскурсовода может представить картину поля боя и бывшие там когда-то, но уже давно исчезнувшие военно-инженерные сооружения.

Рис. 3. Куликово поле. Фото М.Е. Кулешовой

Одним из существенных компонентов наследия является информация о жизни наших предков, простых людей, в прошлом живших в сохранившихся до наших дней старинных домах. Об этом свидетельствует опыт мемориализации небольшой канадской деревушки Сен-Жан, расположенной на Орлеанском острове, недалеко от города Квебек в устье реки Святого Лаврентия. Около многих домов, расположенных в этой деревне, установлены небольшие щиты с описанием истории этих домов и людей, которые в них жили (рис. 4). Это самые обычные дома, характерные для этой местности. Их хозяевами были самые обычные люди, ничем не отличающиеся от других жителей деревни. Среди них почтальоны, нотариусы, пожарные. Казалось бы, что вся эта информация имеет исключительно местное значение. Но это не так, она позволяет сегодня многим людям, прежде всего туристам, познакомиться не только с архитектурными памятниками, но и с бытом местных жителей, с их укладом жизни, системой ценностей.

Рис. 4. Информационный щит в деревне Сен-Жан (Канада, Квебек). Фото Ю.А. Веденина

Третий принцип, определяющий суть культурно-ландшафтного подхода к наследию, – это связь объекта наследия с окружающей средой. Ценность объекта наследия определяется не только степенью подлинности и сохранности самого объекта, но и его положением в пространстве. Очень важно обеспечить возможность полноценного восприятия памятника как одного из элементов культурного ландшафта (рис. 5). В практике проектирования историко-культурных территорий особую роль играет ландшафтно-визуальный анализ, в результате которого предметом охраны становятся пейзажи, раскрывающиеся с наиболее значимых видовых точек или маршрутов, с которых можно увидеть памятник в его традиционной среде, осознать гармоничность его связей с ландшафтом. Но этого недостаточно. Ценность сооружения как объекта наследия во многом зависит и от характера пейзажей, которые открываются от самого памятника, из окон усадебного дома или церковной колокольни. Все они являются неотъемлемой частью этих сооружений как объектов наследия. Е.В. Николаев в своей книге «По Калужской земле», в главе, посвящённой усадьбе Щепочкина в Полотняном заводе, пишет: «Но главное украшение комнаты – вид из её окон. Природа врывается в дом, и на память приходят слова первого на Руси теоретика садово-паркового искусства А.Т. Болотова о том, что «хороши виды и прекраснейшие положения мест, а особливо лежащие вдали, видимые из окон дома и изображающие бесчисленные красоты природы, всякий дом делают веселейшим» [7].

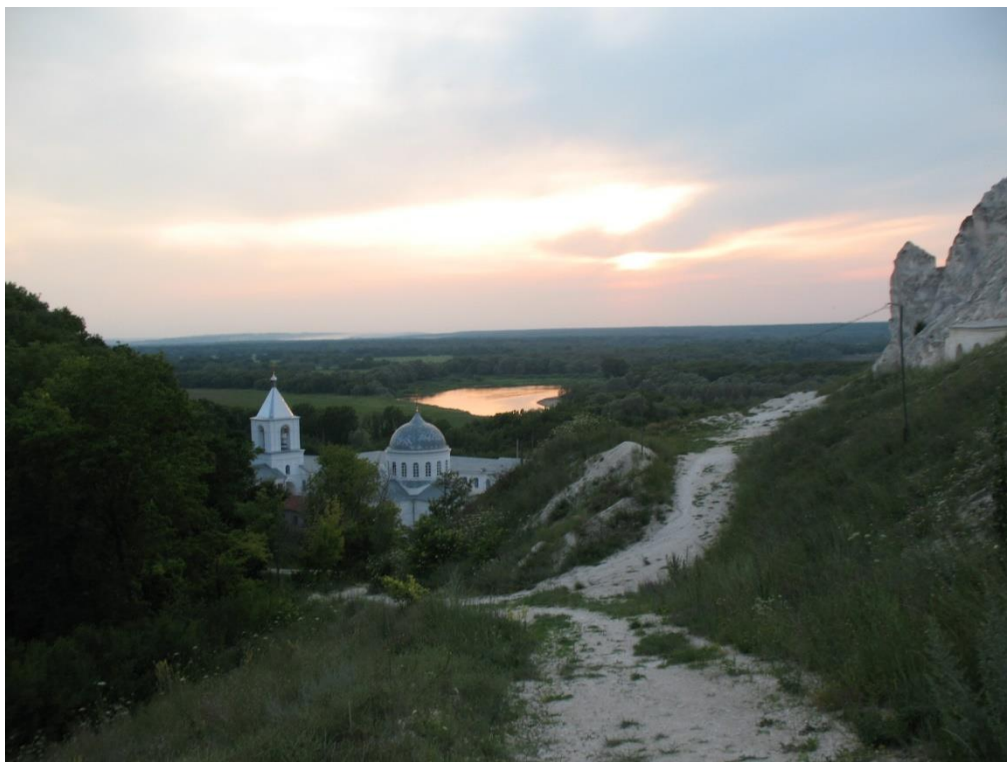

Рис. 5. Вид на Дивногорский Успенский монастырь, Воронежская обл. Фото Ю.А. Веденина

Во многих усадьбах продолжением дома становился парк. «Парк (имеется ввиду парк городской усадьбы Найдёновых-Усачёвых в Москве – Ю.В.) врывается в комнату своей зеленью и светлыми далями. Из левого окна виден небольшой его уголок, осенённый деревьями и замкнутый оградой (слева) и гротом (справа). Вы выходите из дома на площадку перед террасой и впечатление высоты и простора охватывает вас... зрительно вы перелетаете всё огромное пространство до противоположного берега, даже не до берега, а до гребня, замыкающего пейзаж... Расположенный на одном из самых красивых мест Москвы, парк Усачёвской усадьбы... не отворачивается от города, наоборот, всячески обращается к нему. Внутренние виды в парке почти отсутствуют, он весь построен на видах города и эти виды составляют самое его существо» [8].

Как известно, одним из основных признаков, определяющих отнесение объекта к наследию, является его подлинность. Но этого явно недостаточно. Истинная подлинность объекта наследия может быть достигнута только в том случае, если это требование будет распространено и на окружающую среду, на ландшафт, элементом которого этот объект является. Именно это положение не позволяет рассматривать памятники деревянного зодчества, свезённые в музеи под открытым небом как полноценные объекты наследия. Это утверждение может быть проиллюстрировано на примере музея в Малых Карелах, куда

были перенесены деревянные постройки из сёл, расположенных в Архангельской области. Они были изъяты из «вскормившего» их ландшафта и помещены в абсолютно новую для них среду. Авторы проекта Малых Карел постарались представить их как некую модель, которая напоминает о типичных сельских поселениях Русского Севера. В музее собраны почти все традиционные типы сооружений: церкви или часовни, жилые дома, хозяйственные постройки, бани и т.д. Но при этом была потеряна связь с традиционной средой, с родным для этих сооружений ландшафтом и поэтому они не могут рассматриваться как подлинные объекты наследия.

Иные принципы были заложены в организацию Кенозерского национального парка, где сохранилась часть исторической системы расселения, а многие традиционные для этих мест постройки и предметы остались на своих исконных местах. Это сельские дома с хозяйственными дворами, амбарами и банями, деревянные часовни, кресты, святые рощи, старые дороги, охотничьи и рыбацьи домики (рис. 6). Всё это можно увидеть на территории парка.

Рис. 6. Село Вершинино в Кенозерском национальном парке. Фото Ю.А. Веденина

Конечно, многие из исторических поселений уже исчезли и этот процесс всё еще продолжается. Но даже, когда деревня пустеет и её жители переселяются в иные места, когда большая часть домов и хозяйственных построек становятся бесхозными и быстро превращаются в развалины, сохраняются следы от находившихся там ещё недавно строений, от сформированной человеком пространственной структуры

ландшафта – открытых и закрытых пространств, от системы сельскохозяйственных угодий – каменные выкладки, уложенные вдоль контуров бывших здесь когда-то полей. Особое значение придаётся сохранившимся до наших дней часовням, которые продолжают жить своей традиционной жизнью. Они до сих пор воспринимаются местными жителями как «живые», поскольку их постоянно посещают люди, оставляя там свои дары.

Четвёртый принцип, лежащий в основе культурно-ландшафтного подхода, – это связь наследия со временем – историческим и циклическим. Одним из основных свойств наследия является его связь с прошлым. Поэтому столь важно определить дату создания архитектурного сооружения или произошедшего в предшествующие годы события, время жизни исторического персонажа, вошедшего в историю страны и т.д. Сегодня представление об историческом времени ориентируется на гуманитарные науки и освещает чаще всего события и явления, относящиеся к процессам общественного развития. Однако для полного представления об истории человеческого сообщества необходимо рассматривать её в контексте взаимодействия человека и природы. С историческим временем тесно связана историческая память, которая рассматривается как совокупность передаваемой из поколения в поколение информации об истории формирования и развития человечества и окружающей его среды. В отличие от исторического времени историческая память дискретна. Это обусловлено тем, что значительная часть информации теряется в процессе перехода от одного поколения к другому. На определённом этапе своего развития человечество начинает осознавать важность информации, накопленной за предыдущие эпохи. Оно начинает прилагать определённые усилия для её сохранения и раскрытия, включения во вновь формируемую информационную среду человека. Именно на решение этих задач направлена деятельность по выявлению, изучению и сохранению наследия [9].

Отнесение объекта к наследию предполагает достаточно полную представленность всех исторических слоёв или природно-естественных стадий эволюции объекта. В соответствии с этим наследие должно обладать исторической репрезентативностью, что предполагает высокую степень сохранности памяти обо всей истории формирования и развития объекта. Между тем, в реальной практике реставрации эта особенность наследия нередко игнорируется. Имеется много примеров, когда целью реставрационных работ является возвращение памятнику его первоначального облика. При этом уничтожаются все более поздние инновации, нередко обладающие высокой исторической или художественной ценностью, а вместо подлинного памятника появляется новодел, не имеющий ничего общего с реальным прототипом [2]. Одним из таких примеров является реставрация (а на самом деле реконструкция) Летнего сада, когда была сделана попытка воссо-

здать уже давно утраченные павильоны и элементы садового благоустройства, характерные для первой половины XVIII века. В результате мы потеряли замечательный, и что самое главное, подлинный исторический и мемориальный памятник, уже давно ставший частью русской культуры, и получили «пародию» в виде «первого в России парка культуры и отдыха».

Особую роль при рассмотрении наследия играют сезонные и суточные циклы, обусловленные естественным ходом природных и социокультурных процессов [10]. Сезонные ритмы наиболее заметно проявляется в сфере изучения и охране культурных ландшафтов, исторических поселений и объектов садово-паркового искусства. В самом деле, едва ли можно в полной мере оценить ценность садово-парковых композиций без учёта тех изменений, которые происходят в связи со сменой сезонов. Один и тот же парк в различные сезоны года – весной, летом, осенью и зимой, коренным образом меняет свой облик. Однако при анализе отдельных архитектурных памятников, ансамблей, других локальных объектов наследия сезонные изменения чаще всего не рассматриваются. Между тем, не только особенности восприятия этих объектов в разные сезоны года, но и их связь с разнообразными компонентами ландшафта, с окружающей средой тесно связаны с природными циклами, прежде всего с климатическими особенностями местности. Для полноценной охраны объекта наследия необходимо знать реакцию объекта наследия на смену сезонов года, когда меняется гидрологический режим, температурные условия, активность разнообразных растительных сообществ и т.д. Кроме того, именно погодные условия, характерные для различных сезонов года оказывали влияние на формирование отдельных архитектурных элементов или даже конструктивных решений зданий. Так, широкое распространение в России шатрового зодчества при строительстве деревянных, а впоследствии каменных храмов и часовен было во многом связано с желанием строителей избежать скопления больших масс снега на крыше, что могло привести к повышенным нагрузкам и к проникновению влаги внутрь помещения. Эта же причина лежала в основе перехода от традиционных для Византии куполов сфероидной формы на луковичную. Влияние сезонных ритмов влияло на архитектурное решение интерьеров зданий. Во многих дворцовых помещениях устраивались так называемые «зимние сады». Летом почти все растения из зимнего сада переносились на открытый воздух и размещались рядом со входом во дворец, в результате чего характер использования и облик помещения коренным образом менялся.

В настоящее время при разработке мероприятий, связанных с охраной и реставрацией наследия, практически полностью игнорируется роль суточных циклов. Одним из первых русских архитекторов, который обратил на это внимание, был замечательный русский архитек-

тор Н.А. Львов. В комментариях к проекту дворцово-паркового ансамбля Безбородко в Москве (1780-е – 1790-е годы), в разделе, озаглавленном «Расположение натурального сада», Львов пишет, что сад должен использоваться как *«место гулянья... для всякой части дня определенные. Возвышенное место, лежащее по правую сторону дома, определено для утреннего гулянья. Ковер из душистого дерну, цветами и цветными кустарниками по местам испещренный, окруженный с трех сторон красивым и благовонным лесом, составляет главную сего утреннего гульбища красоту, защищенную с полудня рощею из дерев отборных, кои, закрывая гулящего, не закрывают, однако, от взора его окрестных видов. Сия часть сада отделана в веселом, но в тихом и спокойном вкусе, утреннему времени отвечающем; кроме движения листьев нет в ней никакого движения... На левой стороне от дома, изобилующей противу прочих текущими водами, расположено полуденное гульбище. Дорожки, ведущие к оному, пролегают чрез лес и лужайки, на коих в солнечные дни упавшая тень, сберегающая дерн, умножает красоту луга. Верхних ключей воды, собранные в одно озерко, из коего ручейком протекают они чрез долину и освежают прохладу оной.... Дорожки, как по лугам, так и в лесу пролегающие, ... расположены здесь так, что гуляющий, будучи всегда в тени, пользуется, однако, беспрестанно разнообразным действием солнца по лугу и над водами. Вечернее гульбище всех прочих страннее, для него определена вся нижняя часть сада поперек оного. Широкие, а некоторые и прямые дороги осенены большими деревьями, между коих различные беседки и киоски, то в лесу, то над водою размещенные, прерывают единообразность прямой линии. Хозяин, любящий разделять свои утехы, определил сию часть сада для публичного гулянья, к которому проезд с обеих сторон»* [11].

Учёт суточных циклов не менее важен при рассмотрении отдельного архитектурного памятника. Изменение его облика в утреннее, дневное, вечернее и ночное время позволяет создать полифонический образ сооружения. Ведь в течение суток меняется характер освящения фасадов здания, восприятие пластики украшающих эти фасады декора, его положение в ландшафте. Ещё более значима роль суточных циклов при решении интерьеров. Местоположение комнат должно учитывать особенности суточного цикла поведения проживающих там людей, характер их дневных и вечерних занятий, положение их спален и т.д. «Днём члены семьи находились в так называемых «задних» комнатах, но вечерами все собирались в гостиной, пили чай, разговаривали, читали вслух, занимались рукоделием. С появлением гостей освещались и наполнялись жизнью и другие парадные комнаты. П.А. Кропоткин свидетельствует: «Гости собирались почти каждый вечер. В зале раскрывались ломберные столы. Молодёжь же и дамы оставались в гостиной или же собирались возле... рояля, не-

редко устраивались танцевальные вечера... Длительное пребывание в парадных комнатах утомляло и все...возвращались в свои низкие тёплые комнаты с простой, непритязательной мебелью, расставленной всегда по собственному вкусу, чтобы остаться наедине с собой в этом утишенном мире, хорошо приспособленным для уединения...» [12]. Очевидно, что без реального представления о суточном цикле поведения хозяев, гостей и прислуги невозможно разработать полноценный проект по реставрации или реконструкции исторического здания, будь то городское жилище или загородный усадебный дом.

Таким образом, использование культурно-ландшафтного подхода в сфере сохранения наследия позволяет учитывать всё многообразие признаков наследия в контексте его многообразных связей с окружающей средой, особой роли наследия в обеспечении устойчивого развития и преумножения разнообразия среды обитания человека и общества.

Литература

1. Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
2. Веденин Ю.А. География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. М.: Новый хронограф. 2018. 472 с.
3. Скопин В.В. Памятники Соловецких островов. М.: ФОРУМ НЕОЛИТ. 2013. 61 с.
4. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 6 томах. Т. 5: Мертвые души. М., 1949. С. 112–113.
5. Пчёлкина Т.А., Слепов В.Б., Пчёлкин А.В. Лихенологические исследования на Соловецких островах // Современная микология в России. Т. 3: Тезисы докладов Третьего Съезда микологов России / Гл. ред. Ю.Т. Дьяков. М.: Нац. акад. микологии, 2012. С. 248.
6. <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/public/mihajlovskie-roschi.htm>
7. Николаев Е.В. По Калужской земле: от Боровска до Козельска. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 75 с.
8. Николаев Е.В. Классическая Москва. М., Стройиздат, 1975. 29 с.
9. Веденин Ю.А. Культурный ландшафт как хранитель памяти ойкумены // Человек: образ и сущность. №1. (36), 2019. С. 21–37.
10. Лихачёв Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Ленинград. Наука. 1982. 344 с.
11. Львов Н.А. Каким образом должно бы было расположить сад князя Безбородки в Москве / Публ., коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского // Львов Н.А. Избранные сочинения. Кёльн: Веймар: Белау; СПб.: Пушкинский Дом, РХГИ, Акрополь, 1994. С. 316–325.
12. Тыдман Л.В. Изба, дом, дворец. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 336 с.

BASIC PRINCIPLES OF CULTURAL AND LANDSCAPE APPROACH TO INVESTIGATION AND PRESERVATION OF HERITAGE

Yu. Vedenin

vedenin37@gmail.com

Institute of Geography, RAS
Moscow, Russia

Abstract. The article reveals actual problems of cultural and natural heritage studies. A special attention is directed to the development of methodological bases of cultural and landscape approach to heritage preservation. It is suggested, that heritage preservation basic principles should include interrelationship between culture and nature, material and intangible components of heritage, taking into consideration, that it is impos-

sible to preserve heritage objects without appropriate environment and historic time. Realization of the above principles requires the involvement of various humanitarian and natural branches of science to provide consideration of heritage in its utmost diversity and in the interaction with environment and landscape.

Keywords: heritage, cultural landscape, cultural and landscape approach, environment, historic time, cyclic time, historic representativity.

Acknowledgments: This article was written in the framework of the State Institute of Geology of the Russian Academy of Sciences “Problems and Prospects for the Territorial Development of Russia in the Conditions of Its Unevenness and global instability” No. 0148-2019-0008, No. AAAA-A19-119022190170-1.

For citation: Vedenin Yu. Basic principles of cultural and landscape approach to investigation and preservation of heritage. *Heritage and Modern Times*. 2020;3(2):7–20.

References

1. Kul'turny'j landshaft kak ob'`ekt naslediya / Pod red. Yu.A. Vedenina, M.E. Kuleshovej. M.: Institut naslediya; SPb.: Dmitrij Bulanin, 2004. 620 s.
2. Vedenin Yu.A. Geografiya naslediya. Territorial'ny'e podxody` k izucheniyu i soxraneniyu naslediya. M.: Novy'j xronograf. 2018. 472 s.
3. Skopin V.V. Pamyatniki Soloveczkix ostrovov. M.: FORUM NEOLIT. 2013. 61 s.
4. Gogol' N.V. Sobranie sochinenij: v 6 tomax. T. 5: Mertvy'e dushi. M., 1949. S. 112–113.
5. Pcholkina T.A., Slepov V.B., Pcholkina A.V. Lixenologicheskie issledovaniya na Soloveczkix ostrovax // Sovremennaya mikologiya v Rossii. T. 3: Tezisy` dokladov Tret`ego S`ezda mikologov Rossii / Gl. red. Yu.T. D`yakov. M.: Nacz. akad. mikologii, 2012. S. 248.
6. <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/public/mihajlovskie-roschi.htm>
7. Nikolaev E.V. Po Kaluzhskoj zemle: ot Borovska do Kozel'ska. Izd. 3-e. M.: Knizhny'j dom «LIBROKOM», 2011. 75 s.
8. Nikolaev E.V. Klassicheskaya Moskva. M., Strojizdat, 1975. 29 s.
9. Vedenin Yu.A. Kul'turny'j landshaft kak xranitel` pamyati otkumeny` // Che-lovek: obraz i sushhnost`. №1. (36), 2019. S. 21–37.
10. Lixachyov D.S. Poe`ziya sadov. K semantike sadovo-parkovy`x stilej. Leningrad. Nauka. 1982. 344 s.
11. L`vov N.A. Kakim obrazom dolzhno by` by`lo raspolozhit` sad knyazya Bezborodki v Moskve / Publ., komment. K.Yu. Lappo-Danilevskogo // L`vov N.A. Izbranny'e sochineniya. Kyol'n: Vejmar: Belau; SPb.: Pushkinskij Dom, RXGI, Akropol`, 1994. S. 316–325.
12. Ty`dman L.V. Izba, dom, dvorecz. M.: Progress-Tradiciya, 2000. 336 s.

Сведения об авторе

Веденин Юрий Александрович, доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института географии Российской Академии наук, Москва, Россия. E-mail: vedenin37@gmail.com

Author of the publication

Yuri Vedenin, Doctor of Geography, Professor, Leading Research Fellow of the Institute of Geography of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia. E-mail: vedenin37@gmail.com

Дата поступления 14.05.2020

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОХРАНЫ НАСЛЕДИЯ В ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

М.Е. Кулешова
culturalandscape@mail.ru

Москва, Россия

Аннотация. Обозначены общие закономерности возникновения различных форм и способов охраны природного и культурного наследия. Дана оценка эффективности их применения. Показаны особенности взаимодействия территориальных форм охраны культурного наследия за последние два десятилетия.

Ключевые слова: территориальная форма охраны наследия, охраняемые территории, функции охраны, достопримечательное место, историко-культурный заповедник, музей-заповедник, зоны охраны объекта культурного наследия, культурный ландшафт, ландшафтный контекст.

Для цитирования: Кулешова М.Е. Организационно-правовые формы территориальной охраны наследия в их взаимодействии. *Наследие и современность*. 2020;3(2):21–35.

Введение в тему. Проблема выбора форм охраны наследия

Каждый народ обладает своей системой ценностей, угроза утраты которых заставляет вырабатывать системы защиты – от частных и конфессиональных до государственных и международных. Значительный пласт таких ценностей связан с конкретными территориями, поскольку ценность наследия может представлять и целостный ландшафт, и ландшафтные элементы. Они могут иметь имущественный ценз либо не иметь его, могут иметь социокультурное либо природное происхождение, проявляться как в материальных, так и в нематериальных формах. Важно то, что их существование и свойства связаны с определённой территорией, а их сохранение *in situ* требует поддержания определённых качеств такой территории. Системы человеческих ценностей весьма изменчивы, но, тем не менее, содержат некоторые относительные константы, которые со второй половины XX века принято относить к наследию. В случае возникновения реальных или потенциальных угроз его утраты применяются меры охраны, в данном изложении речь пойдёт о территориальных формах охраны. Они могут быть простыми (монофункциональными) и сложными (полифункциональными), создаваться в форме четко локализованного обременения прав собственника/пользователя или в форме особого типа учреждений/организаций. Наиболее разнообразная система категорий территориальной охраны сложилась в мировой практике для сохранения природных и смешанных объектов наследия – это охраняемые территории (*protected areas*), а в России – особо охраняемые природ-

ные территории. В силу ярко выраженного отраслевого характера управления в России меры и методология охраны природного и культурного наследия значительно различаются. В то же время множество охраняемых территорий как России, так и мира демонстрируют континуальность природного и культурного наследия [1], на охраняемых природных территориях нередко сохраняются ценные культурные феномены, равно как и на территориях музеев-заповедников – природные раритеты. В законодательстве отражены такие пересечения, но ведомственность довлеет над комплексностью, что препятствует полноценному управлению сложными по составу территориальными объектами наследия [2].

Так, основной закон в отношении природного наследия – это закон не об объектах наследия, а о категориях их территориальной охраны, а именно № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях». Парадоксально, что термин «наследие» в нём не употребляется. Категориям создания и развития особо охраняемых природных территорий (ООПТ) посвящаются специальные разделы. По состоянию на 2020 г. в законе названы: природные заповедники, включая биосферные, национальные парки, природные парки, природные заказники, памятники природы, дендропарки и ботанические сады – итого 6 (законами субъектов федерации могут устанавливаться и другие категории). Большинство из них создаются в форме природоохранных учреждений, часть – в форме режимных обременений пользователя/владельца объекта. Виды объектов даются перечнем только в преамбуле закона и в разделе «Общих положений» (ст. 2, п. 1), где выделяются редкие и угрожаемые виды биоты с их местообитаниями; ценные природные и культурные ландшафты; ценные геологические, минералогические, палеонтологические объекты; уникальные природные комплексы и объекты. Чемпионом по числу категорий территориальной охраны являются США, где только в Службе национальных парков их около тридцати [3; 4].

Основной закон о культурном наследии – № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» своим названием указывает именно на объекты, которых выделяется три вида – памятники, ансамбли и достопримечательные места (ст. 3) – от единичного объекта до территориального комплекса, в частности, ландшафта. В то же время, присвоение статуса объекта наследия означает, что они берутся на государственную охрану, подразумевающую внесение их в Реестр и введение определённых ограничений деятельности в границах их территорий. Следовательно, понятие «вида» объекта ассоциируется также с формой организации его охраны методами режимного обременения его собственника/пользователя. Аналогично обременяется одна из категорий ООПТ – памятники природы. А что касается реальных разно-

видностей объектов культурного наследия – они поименованы списочным составом отдельно для памятников, ансамблей и достопримечательных мест (ст. 3). Мы не будем приводить здесь этот обширный перечень. Если ансамбль состоит из памятников, то достопримечательное место может включать (и, как правило, включает) памятники и ансамбли – в качестве объектов и в качестве форм охраны объектов. Такое наложение форм охраны не является чем-то исключительным – например, памятники природы могут сохранять свой статус в национальном парке или в природном парке, памятники культуры выделяются в границах ООПТ, а в Великобритании национальный парк может включать в свой состав природный парк.

Учреждения культуры как организационно-правовые формы территориальной охраны наследия не получили достойного развития в России. Единственной реально действующей такой формой являются музеи-заповедники. Де-факто это категория особо охраняемой историко-культурной территории. Однако легитимного представления об охраняемых историко-культурных территориях в России нет. И нежелание законодателя вводить это понятие де-юре уже многие десятилетия препятствует развитию полифункциональных форм охраны и использования культурного наследия, провоцируя многочисленные случаи бюрократической несуразицы.

Субъект-объектные отношения – одно из преткновений в охране культурного наследия. При разработке и принятии в 2002 г. закона «Об объектах культурного наследия...» законодатель категорически отказался включать в этот закон представление о музеях-заповедниках и музеях-усадебках, которых тогда насчитывалось в России более ста. Мотивировалось это довольно казуистически, а именно утверждалось, что закон предназначен для объектов наследия, а не для субъектов – учреждений, создание которых при наличии музейных функций должно якобы регулироваться исключительно законодательством о музеях. Но для специалиста очевидно, что музей и музей-заповедник – далеко не одно и то же. Кроме того, профильный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», принятый в 1996 г., не включал упоминание о музеях-заповедниках вплоть до 2011 г. А основной закон об объектах наследия включил это понятие только по прошествии 17 лет, в 2019 г. Законодатель утверждает, что №73-ФЗ – закон об объектах, а на самом деле он о формах и способах субъектно ориентированной охраны объектов, просто эти формы и способы ограничиваются регламентированием собственника/пользователя и полномочиями органов власти. В то же время, создание специализированных учреждений – это как раз одна из наиболее эффективных форм охраны, и не только охраны, но и использования культурного (а также природно-культурного) наследия [5].

У каждой территориальной формы охраны как природного, так и культурного наследия есть свой специфический набор функций / назначения / задач, что отражается в нормативно-правовых документах как национального, так и международного уровня, особенно на примере охраняемых природных территорий. Разнообразные сочетания функций (защитно-консервационной, научно-исследовательской, образовательно-воспитательной, рекреационной и пр.) требуют разнообразия организационных форм. Исследования показывают, что каждая категория охраняемых территорий имеет, как правило, присущее только ей функциональное сочетание [6].

В России существует управленческий страх перед созданием новых организационных форм охраны наследия. Тем не менее, в природоохранной сфере некий выбор в категориях ООПТ есть. Есть и проблемы – например, непризнание биосферных резерватов в качестве самостоятельной категории, но в данной публикации мы не будем касаться управленческих проблем природоохранного ведомства. А что же есть в сфере охраны культурного наследия, где и понятие об охраняемых историко-культурных территориях не легализовано? Субъект-объектная правовая «чехарда» привела к довольно путаным отношениям таких форм охраны, как достопримечательные места, историко-культурные заповедники, музеи-заповедники и зоны охраны объектов культурного наследия.

Достопримечательные места vs зоны охраны

В 2002 г. был принят закон об объектах культурного наследия, установивший их подразделение на три вида – памятники, ансамбли и достопримечательные места, но до 2007 г. ни один объект культурного наследия не был отнесён к достопримечательному месту. Первыми «ласточками» стала серия достопримечательных мест из «Страны городов» во главе с Аркаимом (Челябинская обл.), затем – луга вокруг Суздаля (Владимирская обл.). За прошедшие с тех пор почти полтора десятилетия взяты на охрану тысячи достопримечательных мест [7], однако опыт их учреждения весьма неоднозначен. Полноценных историко-культурных, а также и природно-культурных территориальных комплексов наследия среди них немного и не может быть много, поскольку выделение целостного территориального комплекса, в отличие от территории единичного объекта, требует непростых проектных разработок и управленческих решений. Но в эту группу попадает немало «вымороченных» объектов, которые сложно отнести к территориальному комплексу наследия.

Как известно, режим достопримечательных мест допускает в определённых ситуациях и восстановление, и реконструкцию, и новое строительство, поэтому относят к ним, например руины памятников, которые предполагается восстановить, либо реконструируемые объекты, где цен-

ности наследия сохранились фрагментировано и должны быть «вкраплены» в новую градостроительную среду. Для подобных ситуаций следовало бы использовать иные понятия, но законодатель упростил себе задачу, отнеся к достопримечательным местам всё подряд, что не подходит для отнесения к памятникам и ансамблям. Тем самым усложнилась задача охраны сложного территориального объекта, подвергаемого необоснованным угрозам коренных преобразований. Полноценное достопримечательное место – это сложный территориальный комплекс, живая территория, которая может включать в свой состав памятники и ансамбли с соответствующими им режимными обременениями, которая вся представляет ценность наследия и допускает только те преобразования, которые не затрагивают её характерные черты.

Если достопримечательное место – это объект культурного наследия, выявляемый и вносимый в Государственный Реестр, защищаемый законом в качестве самостоятельного феномена наследия, то зоны охраны – всего лишь «защитный пояс» некоего объекта, который может быть образован и вокруг достопримечательного места (закон этого не запрещает, но чиновники не приветствуют, ни одного случая установки таких зон для достопримечательных мест нам не известно). Зоны охраны (охранная, регулирования застройки и хозяйственной деятельности, охраняемого природного ландшафта) утверждаются на уровне субъектов федерации (за исключением зон охраны объектов всемирного наследия и особо ценных ОКН народов РФ), корректируются на основании нового проекта и новой экспертизы, если вдруг начинают мешать очередному инвестору / застройщику / землевладельцу. Зоны охраны – всего лишь фон объекта культурного наследия, среда бытования, обрамление. Функция зон охраны ограничивается преимущественно визуальной защитой памятника или ансамбля, а функция достопримечательного места – защищать историко-культурную ценность всего территориального комплекса со всеми его внутренними связями. Тем не менее, нельзя отрицать, что зоны охраны выполняют большую роль в защите территориальных комплексов наследия, являясь своеобразным паллиативом при отсутствии иных форм охраны обширных территорий.

Поскольку методы защиты, устанавливаемые в зонах охраны и достопримечательных местах, идентичны и представляют собой совокупность территориально дифференцированных режимов охраны и требований к градостроительным (иногда и лесохозяйственным) регламентам, то возникает закономерное желание сравнивать их эффективность на основании имеющегося опыта применения. В чью пользу будет это сравнение, зависит от выборки – можно показать «беспомощность» зон охраны, а можно, напротив, «вредность» достопримечательных мест. Принципиальное методологическое отличие этих форм защиты наследия – в установленной действующим законодательством обязательности определения предмета охраны для любых

объектов наследия, в частности – достопримечательных мест. Предмет охраны – характерные параметры, свойства, качества, которые выявляются, инвентаризируются и сохраняются. Работа с предметом охраны, от которого зависят устанавливаемые режимы и регламенты, требует очень высокого уровня компетентности и тщательности [8].

В последние годы среди профессионалов по защите наследия возникло нездоровое противостояние, связанное с недопониманием смысла достопримечательных мест и как объектов наследия, и как инструмента охраны наследия. В публицистике и тематике научных форумов стали появляться императивные утверждения типа «достопримечательные места – инструмент уничтожения наследия». Вместо достопримечательных мест предлагается ограничиться испытанными средствами, а именно зонами охраны объектов культурного наследия. Со своей стороны отметим, что не стоит уважаемым коллегам путать качества инструмента с целями тех субъектов, которые инструментом пользуются, ведь понятно даже на бытовом уровне, что часто виноват не инструмент, а его пользователь. С другой стороны, надо признать, что правовое обеспечение достопримечательных мест имеет свои изъяны, примеры качественного проектирования немногочисленны, опыт учреждения достопримечательных мест ограничивается десятилетием с небольшим, а зоны охраны проектируют многие десятилетия при наличии специально разработанных инструкций и положений. Тем не менее, образование достопримечательного места явно предпочтительнее установления зон охраны объектов наследия, когда целостный, достаточно крупный ландшафтный комплекс представляет историко-культурную ценность, а не только совокупность неких объектов в определённом ландшафтном контексте. Тем более, что манипуляции с зонами охраны на уровне их проектирования, утверждения, корректировки несколько не менее, если не более, многочисленны [9].

Большинство концептуальных конфликтов по поводу того или иного способа охраны возникает на почве преобразования зон охраны в достопримечательные места. Типичные скандальные примеры – Радонеж (окрестности Сергиева Посада), Есенинская Русь (окрестности села Константиново в Рязанской области), подмосковная усадьба Архангельское (проект достопримечательного места не был утверждён). Но детальное рассмотрение проектной документации по этим территориям показывает, что дело не в ущербности формы охраны, а в исполнителях проектов, которые, часто под внешним давлением, идут на поводу у очередных финансово-политических элит и выполняют очередной их заказ, отдавая под новую застройку лучшие фрагменты уникальных исторических территорий.

Помимо внешнего давления, существует и собственный взгляд проектировщиков на мироустройство, среди них преобладают градостроители, которые одной рукой чертят Генпланы, а другой – зоны охраны или проекты достопримечательных мест. Отметим и тот факт, что зоны охраны в Радонеже и Архангельском массово нарушались (а может, это «инструмент» такой негодный?), но в ходе судебных разбирательств, инициированных научной общественностью, возвращалось их *status quo*. Не случись таких инициатив, мало что осталось бы от тех зон охраны, поскольку буква закона сама себя не охраняет, её соблюдают либо не соблюдают люди. В окрестностях Константиново манипуляции с зонами охраны приобрели фантастические размеры, что обезобразило красивые пейзажи Оки и само село.

В Архангельском борьба за каждый клочок земли ведётся непрерывно уже многие годы, и последняя корректировка зон охраны, утверждённая в мае 2020 г. поставила под угрозу массивированной застройки пока ещё луговые, лесные и деревенские пейзажи, образующие великолепный культурно-ландшафтный контекст дворцово-парковому ансамблю, прямое преобразование вмещающего ландшафта нанесёт колоссальный вред объекту наследия. Это судьбоносное решение выявило роли всех участников процесса – руководства музея-заповедника, которое на государственные деньги заказало урезание и обесценивание собственной территории и собственных зон охраны; областных органов охраны наследия, которые обеспечили юридическую «проходимость» ущербного проекта и некомпетентной экспертизы; Министерства культуры РФ, которое согласовало заведомо угрожающий наследию проект; финансовой «закулисы», которая будет застраивать и уродовать зачищенные от обременительных режимов луговые пространства; общественности, которая в лице конкретных людей тратит свою жизнь на то, чем обязаны заниматься органы охраны наследия [10]. В этом «зеркале» отразилось всё состояние дел по охране наследия в России.

Проблема в том, что режимная дифференциация территорий как достопримечательных мест, так и зон охраны буквально калькирует генпланы и проекты застройки и землепользования (это происходит систематически) – не только действующие, но и находящиеся в процессе согласований и утверждений. В то время как согласно закону должно наблюдаться обратное – охрана наследия должна накладывать ограничения на планируемое градостроительное развитие и направить его по щадящему для ландшафта и наследия пути. И когда такая подмена защитного действия на противодействие происходит – вот тогда и наблюдаются «осечки» в использовании «инструментов» – и зон охраны, и достопримечательных мест.

Особенному натиску любителей новостроек, торговых центров, платных автострад и личных поместий подвергаются поймы и долины рек, некогда занятые сельхозугодьями, теперь заброшенными ввиду массового разорения сельскохозяйственных предприятий, и небольшими лесными массивами, теперь вырубаемыми ввиду беспомощности современного лесного законодательства. Луговая пойма в Подмоскovie становится уже ландшафтным раритетом, а для архитектурных памятников она выполняет важнейшие контекстные функции, эти ансамбли создавались с учетом открытости визуального бассейна от реки.

Широкие российские просторы, так радующие глаз российского патриота, невыносимы своей пустынноcтью для глаза ценителя капитализируемой недвижимости. Это можно понять, но никак нельзя смириться с той дискредитирующей саму проектную отрасль и органы охраны культурного наследия ситуацией, когда зону регулирования застройки учреждают в луговых и лесных урочищах, разрешая там массивное капитальное строительство и называя это мерами охраны наследия. Усугубляющим фактором служит и ангажированная государственная историко-культурная экспертиза, свидетельствующая о крупном морально-этическом кризисе в отрасли. Дело не в том, что кто-то намеревается снести памятник или обезобразить живописный пейзаж в его окрестностях, а в том, что государственные органы, призванные этому противодействовать, напротив нередко тому способствуют.

Такие факты приобретают уже угрожающие и скандальные размеры, яркие тому примеры в Подмоскovie – усадьбы Остров, Богородское-Красково, вышеупомянутое Архангельское; монастыри Свято-Троицкая Сергиева Лавра и Саввино-Сторожевский; окрестности исторического города Звенигорода, включая Дунинский усадебно-археологический комплекс. Для них либо целенаправленно не утверждаются зоны охраны, либо разрабатываются ущербные зоны охраны. Эти ситуации не являются исключением даже для российских объектов всемирного наследия. Помимо уже упомянутой Троице-Сергиевой Лавры назовём зоны охраны Ферапонтова монастыря, проекты достопримечательных мест в Санкт-Петербурге – Колтушскую возвышенность и Берега Невы, зоны охраны объектов культурного наследия на Соловецком архипелаге. Для последнего разработан проект достопримечательного места, но пока он проходит стадии согласования, обсуждения и утверждения, строительство обслуживающей инфраструктуры на архипелаге приобретает угрожающие размеры, а манипуляции с категориями земель создают правовую базу для дальнейших масштабных преобразований исторического ландшафта [11].

По чрезвычайному недоразумению (здесь уместны были бы более резкие эпитеты) перманентное «пожирание» пространства застройкой называется в России «развитием» и «движением вперёд». Однако для историко-культурных территорий развитием должно служить сохранение и использование всей совокупности ценностей тер-

риториального комплекса, называемого культурный ландшафт. Тем более, что Градостроительный кодекс, на который так уповают проектировщики и который определяет условия территориального развития, устанавливает, что назначение территорий зависит от совокупности социальных, экономических, экологических и иных факторов в целях устойчивого развития (ст. 9 №190-ФЗ). Назначением территории может стать и охрана наследия при определённой совокупности факторов. Охрана наследия не есть исключение из развития, это отрасль деятельности и одно из направлений «движения вперёд».

Музеи-заповедники vs историко-культурные заповедники

Весьма непросто сложилась история взаимоотношений достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников. Предшественником закона о наследии 2002 года был закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры» 1978 года. В нём выделялись историко-культурные заповедники (ансамбли и комплексы памятников) и заповедные места (участки поселений и места исторических событий) без разъяснений их правового статуса. Музеи-заповедники, большинство которых было создано именно в последнюю четверть XX века, частично на базе реорганизованных музеев, упомянуты не были. Однако они благополучно создавались и работали благодаря правительственным постановлениям и индивидуальным Положениям (сменившимся затем Уставами), контролируя обширные территории, принадлежавшие различным пользователям и собственникам. Так, например, Соловецкий музей-заповедник контролировал весь архипелаг, музеи-заповедники Бородинский, Поленово, Михайловское, Ясная Поляна и многие другие – ближайшие окрестности с их поселениями на многих тысячах гектар. Они нередко воспринимались как тождественные понятию историко-культурных заповедников. Так, Киево-Печерская Лавра значилась историко-культурным заповедником, а Троице-Сергиева – музеем-заповедником. Употребление наименования историко-культурных заповедников было единичным и не может служить основой для какого-то обобщения – Несвиж в Белоруссии, Гобустан в Азербайджане, Древний Мерв в Туркменистане, Аркаим в Челябинской области и несколько других.

Музеи-заповедники были, напротив, распространённым явлением окружающей действительности. В 1990-е годы упоминание музеев-заповедников фиксировалось в градостроительном и земельном законодательстве, а в 1999 г. творческим коллективом дореформенного Института Наследия по заказу Совета Федерации был разработан проект закона «О музеях-заповедниках». Музей-заповедник понимался как «учреждение культуры, созданное собственником для обеспечения сохранности, восстановления, изучения и публичного представления целостных историко-культурных и природных комплексов, материальных и духовных ценностей в их исторической,

культурной и природной среде в научно-исследовательских, культурно-просветительских и туристско-экскурсионных целях», что принципиально отличается от принятых действующим законодательством определений. Как законодательная инициатива проект был внесен на рассмотрение в Государственную Думу и опубликован, но не был принят из-за отрицательного отзыва Министерства культуры РФ, став тем не менее модельным проектом закона о музеях-заповедниках для стран СНГ [12].

С принятием в 2002 году закона об объектах культурного наследия ситуация резко изменилась. Законодатель, как было отмечено выше, категорически отказался вводить в закон представление о музеях-заповедниках, но сохранил понятие историко-культурных заповедников, так и не удосужившись наполнить его правовым содержанием. В 2003 г. для историко-культурных заповедников был разработан проект Положения, в котором они рассматривались в качестве охраняемых территорий с достаточно подробно прописанными целевыми установками и правовыми возможностями. Тот проект принят не был, вместо него в 2015 г. Министерством культуры РФ было утверждено Положение совсем с другим текстом, виртуозное выхолащивание которого лишает смысла всякое к нему обращение.

Историко-культурные заповедники и по сей день остаются правовым ребусом в практике законоприменения. Поэтому, за отсутствием правового содержания, категория «историко-культурный заповедник» не востребована. Напротив, она стала со временем играть агрессивную роль по отношению к музеям-заповедникам, поскольку законодательно обязывает (№73-ФЗ, ст. 57; №54-ФЗ, ст.26.1) при создании музеев-заповедников изначально учредить достопримечательное место, затем из него образовать историко-культурный заповедник, а только потом приступать к созданию музея-заповедника. Обычная человеческая психика этот «алгоритм» осваивает с большими трудностями, зато он хорошо иллюстрирует состояние законотворческого процесса и уровень понимания проблем на законотворческом уровне [13].

Итак, после 2002 года упоминания о музеях-заповедниках были постепенно изъяты из смежных сфер законодательства, их место заняли историко-культурные заповедники. Музеи-заповедники – учреждения культуры и реально действующие формы территориальной охраны наследия, по сути, историко-культурные охраняемые территории – оказались в глубоком правовом вакууме после принятия, как это ни парадоксально, основного закона – «Об объектах культурного наследия...». Началась галопирующая застройка ранее охраняемых территорий, причём зоны охраны этот процесс сдержать не смогли (содержащиеся в них правовые нормы на тот момент устарели и потребовались специальные разъяснения государственных органов охраны, чтобы затормозить этот «разбой»). Застраивались Бородинское поле, окрестности пушкинского

Михайловского, Ясная Поляна, Константиново и многие другие территории, воспринимавшиеся в обыденном сознании как музеи-заповедники, но не имевшие юридического права на защиту исторических ландшафтов вне отведённых им земельных участков. В быстро сменившемся правовом поле большинство действующих музеев-заповедников были вынуждены способствовать установлению достопримечательных мест в границах своих бывших территорий и зон охраны, введение категории достопримечательного места буквально спасло многие музеи-заповедники от разорения их культурных ландшафтов [14].

Только в 2011 г. (!), благодаря многочисленным обращениям руководства музеев-заповедников к органам власти в закон № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях ...» была добавлена статья 26.1 «Музеи-заповедники». Согласно ей, музеи-заповедники – это учреждения культуры, которым предоставляются в пользование земельные участки, образующие территорию музея-заповедника. То, что в пользование не передано или не может быть передано, то к территории музея-заповедника не относится, даже если составляет с ней единый историко-культурный ландшафтный комплекс. Это ещё раз подтверждает актуальность создания достопримечательных мест, сменивших бывшие зоны охраны музеев-заповедников, утратившие свою легитимность в сменившихся правовых реалиях. Часть музеев-заповедников, имевших в пользовании обширные земельные участки: Куликово поле, Поленово, Ясная Поляна, Михайловское, – оказались в относительно благоприятной правовой ситуации. Другие, таковых участков в установленном законом порядке не имевшие или имевшие более чем скромные, например Бородинское поле – очутились в сложном положении. Законодатель, полагая, запутал сам себя и возложил многосложную «бюрократическую пирамиду» на музеи-заповедники вместо того, чтобы пойти по логическому пути, указанному законодательством об особо охраняемых природных территориях. Для сравнения отметим, что функциональные аналоги музеев-заповедников в ряду особо охраняемых природных территорий – это национальные парки и природные парки – включают в свои границы земельные участки как переданные соответствующим учреждениям, так и иные – в пользовании и собственности других лиц.

Закон № 54-ФЗ ввёл для музеев-заповедников очень важную позицию, установив возможные для них виды деятельности (т.е. определил их функционал) – что и является отличительным признаком любой территориальной формы охраны наследия. Наряду с сохранением наследия и музейными функциями, к ним относятся его изучение и популяризация, а также задачи туристско-экскурсионного обслуживания, поддержания традиционного образа жизни и природопользования, народных художественных промыслов и ремёсел, охраны природы. Надо сказать, что этот перечень даже избыточен и содержит не-

которые правовые ребусы, но дело в другом – он определяет смысл организации музея-заповедника. Ровно то же самое следует сделать законодателю и в отношении историко-культурных заповедников – только тогда эта категория приобретёт актуальность. Причем совокупность функций/задач/видов деятельности должна отличаться от таковой для музеев-заповедников. Возможно, музеям-заповедникам следует от некоторых функций отказаться, оставив их за историко-культурными заповедниками, которые должны стать самодостаточной формой охраны, а не посредником в метаморфозах достопримечательного места. Мы можем даже предположить, в чём будет состоять это принципиальное отличие – в поддержании форм живой традиционной культуры – городской, ремесленной, земледельческой, монастырской, этнической. Для этого к управлению необходимо привлечь живых носителей этих культур, и правовая форма учреждения для таких целей не очень подходит.

Оказались мало замеченными, но имели принципиальное значение поправки в закон об объектах культурного наследия в 2019 г. – законодатель наконец-то признал уместность в контексте данного закона упоминания музеев-заповедников, хотя и в весьма скромном объёме – статьи 56.5. Основной смысл вводимых правовых норм мы видим в постепенном избавлении музеев-заповедников от препятствующих их оформлению процедурных надстроек в виде историко-культурного заповедника. Будем надеяться, что здравый смысл возобладает в российском законодательстве о наследии в обозримом будущем.

Заключение

Во всём цивилизованном мире принято выделять территории, имеющие особую природную и/или историко-культурную ценность в охраняемые территории (protected areas). В нашей стране исторически сложилось так, что в действующем законодательстве нашлось место только для особо охраняемых природных территорий. Правового понятия особо охраняемой историко-культурной территории или просто охраняемой территории, которая может быть природной и/или историко-культурной в действующем законодательстве не существует. На протяжении многих десятков лет это способствует, в числе прочих факторов, искажению и уничтожению исторически ценной среды, культурного ландшафта и провоцирует затяжные конфликты между защитниками культурного наследия и сторонниками преобразования территорий. Ценные в историко-культурном отношении территории должны жить и развиваться – но по своим законам – законам об охраняемых территориях.

Понятно, что нормативно-правовая база по защите и управлению объектами природного и культурного наследия не исчерпывается законами и, более того, в этом деле основную роль выполняют другие правоустанавливающие и весьма многочисленные документы – постановления, указы, распоряжения, приказы органов власти, типовые и индивидуальные положения об этих территориях. Так, заповедники, заказники и памятники природы создаются в России на государственном уровне со второго десятилетия XX века, но первый закон, их обозначивший, был «Закон об охране природы в РСФСР», принятый в 1960 г., через сорок лет. В статье 9 «Государственные заповедники и заказники» поминались также памятники природы и заповедные урочища. Национальные парки создаются в России с 80-х годов XX века, а очередной закон «Об охране окружающей природной среды», где они зафиксированы в статье 63, был принят спустя почти десятилетие, в 1991 г. Тем же законом введено понятие особо охраняемых природных территорий, которое вошло в употребление благодаря одноименному научному бестселлеру 1978 года авторства Н.Ф. Реймерса и Ф.Р. Штильмарка [15]. Уже целый раздел IX данного закона был посвящен этой теме, но в 1995 г. был принят самостоятельный ныне действующий закон «Об особо охраняемых природных территориях», поэтому в следующей итерации закона «Об охране окружающей среды» (2001 год) раздел об охраняемых территориях был снят. Музеи-заповедники начинают массово создаваться в России начиная с 70-х годов прошлого века, а первая посвящённая им статья закона появляется спустя почти 40 лет, в 2011 г., о чём уже говорилось.

Не все отмеченные законом формы охраны получают распространение, не одним историко-культурным заповедникам «не повезло». Так, упомянутые выше «заповедные урочища» и «заповедные места» также не нашли применения. С другой стороны, прискорбно, что возникающие на практике новые формы, не получив необходимой правовой поддержки, реорганизуются в типовые. Так произошло с Переславским природно-историческим парком и природно-этническим парком «Берингия», которые были преобразованы в национальные парки, упразднена была и уникальная историческая и природно-ландшафтная территория «Валаам».

Разнообразие форм охраны – залог качественного управления, возможность применить нужный инструмент к новому сочетанию функций территории, не «запихивая» их в уже сложившиеся формы и тем самым не усложняя работу руководству соответствующих учреждений. Задача законодательства – способствовать их эффективной работе, а не препятствовать ей. Препятствий охране наследия, которые носят субъективный характер, существует сегодня настолько много, что возникает вопрос об объективных причинах происходящего. Система правовой защиты не выдерживает имущественных претензий финансовых элит и мздоимства (в лучшем случае – некомпетентности) государственной бюрократии. На карту поставлено культурное и природное достояние России.

Литература

1. Кулешова М.Е. Природно-культурный континуум наследия и формы его территориальной охраны // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской. / Сост. и отв. ред. И.И. Крупник. Москва, 2016. С. 272–297.
2. Кулешова М.Е. Правовые особенности охраны наследия и основные проблемы законодательства в этой сфере // Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию. М.: ЭкоЦентр «Заповедники», 2013. С. 41–52.
3. Кулешова М.Е. Формы охраны территорий природного и культурного наследия в США и России // Охрана наследия за рубежом: опыт прошлого и современные проблемы. М.: Институт Наследия, 1995. С. 70–88.
4. Максаковский Н.В. Опыт национальных парков США по сохранению наследия и развитию туризма // Наследие и современность. 2019, т. 2, № 4. С. 61–95.
5. Кулешова М.Е. Музеи-заповедники: коллизия идеального и реального в российском законодательстве // Наследие народов Российской Федерации. № 1. 2006. С. 2–3, 38–45.
6. Кулешова М.Е., Захаров Ю.С., Максаковский Н.В. Разработка общей концепции выделения и формирования территорий особо ценного наследия // Ориентиры культурной политики. Вып.6. М.: МК РФ, ГИВЦ, 1994. С. 32–70.
7. Шульгин П.М. Стратегия формирования культурного каркаса страны и использования культурного наследия в качестве драйвера российских регионов // Наследие и современность. 2019, т. 2, № 4. С. 8–31.
8. Кулешова М.Е. Достопримечательные места и рекомендации по их паспортизации // Наследие и современность. Вып. 17. М.: Институт Наследия, 2010. С. 49–92.
9. Кулешова М.Е. Нормативно-правовые аспекты сохранения культурных ландшафтов России // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. №1 (36), 2019. С. 133–153.
10. Московское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры/ Новости/ Публикации. Электронный ресурс: <https://movoopik.com/blog/>
11. Кулешова М.Е. Концепция культурного ландшафта для целей охраны наследия и оценки управленческих решений. Соловецкий архипелаг // Полярные чтения на ледоколе «Красин». 2016. Культурное наследие в Арктике: вопросы изучения, сохранения и популяризации. Мат-лы науч. конф. СПб 28–29 апр. 2016 г. М.: Изд-во «Паулсен», 2017. С. 115–128.
12. Модельный закон «О государственных музеях-заповедниках». Принят на восемнадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, ноябрь 2001. Электронный ресурс: <http://docs.cntd.ru/document/901814517>
13. Кулешова М.Е., Веденин Ю.А. Правовое обеспечение сохранения и использования культурного и природного наследия в России // Право и культура. М.: Изд-во РАГС. 2009. С. 361–390.
14. Кулешова М.Е. Формы охраны природно-культурного наследия и категория культурного ландшафта // Горизонты гуманитарного знания. 2017, № 4. С. 31–43.
15. Реймерс Н.Ф., Штильмарк Ф.Р. Особо охраняемые природные территории. М.: Мысль, 1978. 295 с.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORMS OF TERRITORIAL HERITAGE PROTECTION IN THEIR INTERACTION

M. Kuleshova
culturalandscape@mail.ru

Moscow, Russia

Abstract. The article reveals general patterns of various forms and methods of natural and cultural heritage protection, and evaluates effectiveness of their application. Special features of cultural heritage protection territorial forms interaction over the last two decades are presented.

Keywords: territorial form of heritage protection, protected areas, functions of protection, landmark place, historical and cultural reserve, museum-reserve, zones of protection of cultural heritage object, cultural landscape, landscape context.

For citation: Kuleshova M.E. Organizational and legal forms of territorial heritage protection in their interaction. *Heritage and Modern Times*. 2020;3(2):21–35.

References

1. Kuleshova M.E. Prirodno-kul'turny'j kontinuum naslediya i formy` ego territorial'noj ohrany` // Liczom k moryu. Pamyati Lyudmily` Bogoslovskoj. / Sost. i otv. red. I.I. Krupnik. Moskva, 2016. S. 272–297.
2. Kuleshova M.E. Pravovy`e osobennosti ohrany` naslediya i osnovny`e problemy` zakonodatel'stva v e`toj sfere // Sel'skie kul'turny`e landshafty`: rekomendacii po soxraneniyu i ispol'zovaniyu. M.: E`koCentr «Zapovedniki», 2013. S. 41–52.
3. Kuleshova M.E. Formy` ohrany` territorij prirodnogo i kul'turnogo naslediya v SShA i Rossii // Oхрана наследия за рубежом: опы́т прошлого и современны́е проблемы`. M.: Institut Naslediya, 1995. S. 70–88.
4. Maksakovskij N.V. Opy`t nacional'ny`x parkov SShA po soxraneniyu naslediya i razvitiyu turizma // Nasledie i sovremennost`. 2019, t. 2, № 4. S. 61–95.
5. Kuleshova M.E. Muzei-zapovedniki: kolliziya ideal'nogo i real'nogo v rossijskom zakonodatel'stve // Nasledie narodov Rossijskoj Federacii. № 1. 2006. S. 2–3, 38–45.
6. Kuleshova M.E., Zaxarov Yu.S., Maksakovskij N.V. Razrabotka obshhej koncepcii vy`deleniya i formirovaniya territorij osobo cennogo naslediya // Orientiry` kul'turnoj politiki. Vy`p.6. M.: MK RF, GIVCz, 1994. S. 32–70.
7. Shul'gin P.M. Strategiya formirovaniya kul'turnogo karkasa strany` i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya v kachestve drajvera rossijskix regionov // Nasledie i sovremennost`. 2019, t. 2, № 4. S. 8–31.
8. Kuleshova M.E. Dostoprimechatel'ny`e mesta i rekomendacii po ix pasportizacii // Nasledie i sovremennost`. Vy`p. 17. M.: Institut Naslediya, 2010. S. 49–92.
9. Kuleshova M.E. Normativno-pravovy`e aspekty` soxraneniya kul'turny`x landshaftov Rossii // Chelovek: Obraz i sushhnost`. Gumanitarny`e aspekty`. №1 (36), 2019. S. 133–153.
10. Moskovskoe oblastnoe otделение Vserossijskogo obshhestva ohrany` pamyatnikov istorii i kul'tury` / Novosti/ Publikacii. E`lektronny`j resurs: <https://movoopik.com/blog/>
11. Kuleshova M.E. Koncepciya kul'turnogo landshafta dlya celej ohrany` naslediya i ocenki upravlencheskix reshenij. Soloveczkij arxipelag // Polyarny`e chteniya na ledokole «Krasin». 2016. Kul'turnoe nasledie v Arktike: voprosy` izucheniya, soxraneniya i populyarizacii. Mat-ly` nauch. konf. SPb 28–29 apr. 2016 g. M.: Izd-vo «Paulsen», 2017. S. 115–128.
12. Model'ny`j zakon «O gosudarstvenny`x muzeyax-zapovednikax». Prinyat na vosemnadczatom plenarnom zasedanii Mezhparlamentskoj Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG, noyabr` 2001. E`lektronny`j resurs: <http://docs.cntd.ru/document/901814517>
13. Kuleshova M.E., Vedenin Yu.A. Pravovoe obespechenie coxraneniya i ispol'zovaniya kul'turnogo i prirodnogo naslediya v Rossii // Pravo i kul'tura. M.: Izd-vo RAGS. 2009. S. 361–390.
14. Kuleshova M.E. Formy` ohrany` prirodno-kul'turnogo naslediya i kategoriya kul'turnogo landshafta // Gorizonty` gumanitarnogo znaniya. 2017, № 4. S. 31–43.
15. Rejmers N.F., Shtil'mark F.R. Osobo ohranyaemy`e prirodny`e territorii. M.: My`sl`, 1978. 295 s.

Сведения об авторе

Кулешова Марина Евгеньевна, кандидат географических наук, независимый эксперт по культурным ландшафтам, член Научно-методического совета по культурному наследию Минкультуры РФ, член общественных организаций – Национального Комитета ИКОМОС, МСОП, ВООПИиК, Москва, Россия.
E-mail: culturalandscape@mail.ru

Author of the publication

Marina Kuleshova, Ph.D. in Geogr., independent expert on cultural landscapes, member of Scientific Methodological Council on Cultural Heritage within the Russian Federation Ministry for Culture, member of public organizations – National Committee of ICOMOS (Russia), IUCN, ВООПИиК, Moscow, Russia.
E-mail: culturalandscape@mail.ru

Дата поступления 18.05.2020

КОЛОНИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ФРАНЦУЗСКИХ МУЗЕЕВ И ПРОБЛЕМА РЕСТИТУЦИИ: ПО СЛЕДАМ ДИСКУССИИ ВОКРУГ ДОКЛАДА Б. САВУА – Ф. САРРА

М.С. Стефко

mstefko@yandex.ru

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние проблемы реституции культурных ценностей, обоснование, возможности и ограничения подобных проектов на примере доклада о реституции африканского наследия, подготовленного по поручению Президента Франции Эммануэля Макрона Бенедикт Савуа и Фелвином Сарром, и последовавшей за ним дискуссии в ИКОМ Франции. Доклад представляет взгляд на реституцию как инструмент культурной политики Франции в Африке. Он апеллирует к т.н. «праву на наследие» и истории формирования французских музейных коллекций, рассматриваемой в контексте колониальной политики страны. Авторы доклада предлагают методику организации реституции, основываясь на результатах предварительных исследований.

Обсуждение доклада в национальном комитете ИКОМ демонстрирует критическое отношение профессионального сообщества к самому проекту и его методам. Музеи оказались отстранены от реального участия в проекте на этапе подготовки доклада, этика музейной работы не была принята во внимание, равно как и недостаточная изученность провенанса всей совокупности предметов африканского происхождения. Было отмечено, что по разным причинам предметы, возвращаемые в Африку, могут быть выведены из сферы культуры. Выступающие подчеркнули опасность политизации культурных процессов и необходимость отстаивать мнение профессионального сообщества и важную роль музеев как институтов культуры в работе с наследием.

В целом, обсуждение доклада Савуа-Сарра продемонстрировало способность музейного сообщества отстаивать свою позицию, а также важность международного обсуждения проблемы реституции и музейной терминологии.

Ключевые слова: французские музеи, реституция, наследие Африки, Бенедикт Савуа, Фелвин Сарр, ИКОМ Франции.

Для цитирования: Стефко М.С. Колониальное наследие французских музеев и проблема реституции: по следам дискуссии вокруг доклада Б. Савуа – Ф. Сарра. *Наследие и современность*. 2020;3(2):36–43.

«Наследие Африки не должно быть узником европейских музеев» – с такого тезиса в ноябре 2017 года начался новый этап деколонизации французских музеев: крупнейшие средства массовой информации цитировали речь французского президента Эммануэля Макрона в университете Уага-1 (Буркина-Фасо), в которой он заявил о том, что в последующие пять лет хотел бы создать условия для возвращения культурного наследия Африки в качестве извинений за варварство и преступление против человечности, которыми была колонизация. В продолжение этой речи спустя год был обнародован обширный «Доклад о реституции культурного наследия Африки. К новой этике отношений» [1], авторами ко-

торого стали историк искусства профессор Технического университета Берлина и Коллеж-де-Франс, член научных комитетов многих германских культурных фондов и учёных советов некоторых крупнейших европейских музеев г-жа Бенедикт Савуа и экономист, возглавивший факультет «Цивилизации, религии, искусства и коммуникация» сенегальского университета Сен-Луи, г-н Фелвин Сарр.

Доклад, целью которого было обоснование и разработка рекомендаций по осуществлению реституции, имел широкий резонанс и стал предметом обсуждения не только профессионального сообщества. «Доклад Савуа-Сарра: произведения искусства – заложники дискуссий о колонизации?», – задаёт вопрос автор независимого интернет-издания *The Conversation* [2]. «Крик ненависти в отношении самого понятия «музей» – под таким заголовком, публикует на своём сайте статью *France Info*, цитируя бывшего президента Музея Бранли Стефана Мартена, участвовавшего в обсуждении реституции в Сенате [3].

Реституция никогда не была простой темой, но что же заставило французское общество и французские музеи, которые, как отмечают авторы, в период после Второй мировой войны были заинтересованной стороной аналогичного процесса в отношении Германии, занять такую жёсткую позицию?

В своём докладе авторы дают общий обзор формирования музейных коллекций в Европе, уделяя особое внимание источникам и способам их пополнения, а также юридической стороне вопроса. Авторы отмечают, что практика захвата и перемещения ценностей как результата военных действий становится нормой, в том числе правовой, о чём свидетельствуют упоминаемые в труде «Право войны и мира» голландского юриста Гуго де Грота «права грабить и права разорять всё, что принадлежит врагу» и «права считать свой собственностью всё, что было отнято у врага». «В этом контексте войны XIX века, захват и увеличение стоимости (через рынок культурных ценностей) и символической ценности (благодаря музеям) наследия Африки и Азии идут рука об руку». [1, с. 7]. Одним из следствий Гаагской конвенции 1899 года «О законах и обычаях сухопутной войны» стало изменение методов колонизации и способов изъятия культурных ценностей, к которым авторы доклада относят нелегальную торговлю, деятельность компаний, миссионеров, военных администраций и научных экспедиций, особенно этнографических. Мысль сама по себе не нова. Так, в 1975 году, возвращаясь к истории антропологии, Клод Леви-Стросс называет её «дочерью эры насилия». «В наших столицах в XXI веке находятся этнографические или так называемые «универсальные» музеи, принимавшие колониальные богатства, и в этом они являются наследниками «эры насилия». Разрушение и коллекция – две стороны одной медали. Крупные европейские музеи хранят высочайшие достижения человечества и, вместе с тем, связаны с практикой присвоения наследия, практикой нередко насильственной и до сих пор мало изученной» [1, с. 11].

Проблема изучения истории формирования музейных коллекций давно вышла за пределы музейного сообщества: исследовательские группы в университетах, музейное сообщество и коллекционеры проводят исследования в этом направлении. Однако больших достижений в этой области до сих пор нет. Авторы доклада связывают это с тем, что одна сторона находится в смиренном ожидании, а другая демонстрирует своё превосходство, в основе которого «десятилетия владения, научная легитимность и практики работы с наследием человечества» [1, с. 17]. В результате десятки и сотни тысяч предметов, относящихся к культурному наследию Африки сконцентрированы в европейских музеях, в том числе во Франции, а население континента оказывается оторвано от своего наследия, узурпированного европейцами и живущими в Европе диаспорами. Таково видение проблемы. Каково же решение?

Указывая на необходимость продолжать работу в архивах и фондах музеев, авторы доклада предлагают три варианта реституции в зависимости от обстоятельств, при которых предметы вошли в состав музейных коллекций.

Вариант быстрой реституции, не требующей дополнительных изысканий – для предметов, приобретённых насильственным путём или на несправедливых условиях:

- если в результате военных действий трофеи прямо или через арт-рынок попадали в коллекции;
- если они поступили от военных или чиновников в колониальный период (1885–1960) или позднее от их наследников;
- если они были привезены научными экспедициями до 1960 года;
- если предметы были переданы африканскими музеями во Францию на реставрацию, но до сих пор находятся во французских музеях.

Второй вариант предполагает более пристальное изучение провенанса предметов, включённых в музейные коллекции после 1960 года и полученных в качестве даров, если есть подозрение, что они покинули Африканский континент до 1960 года. Если достоверных сведений о приобретении этих предметов в музей в колониальную эпоху нет, они всё равно могут быть возвращены, если страна их происхождения продемонстрирует заинтересованность в этом.

Третий вариант предполагает, что предметы, относящиеся к африканскому наследию, могут остаться во французских музеях, если будет установлено, что они были приобретены:

- в результате свободного, справедливого и документально оформленного соглашения;
- без рисков, связанных с действием Парижской конвенции ЮНЕСКО 1970 года.

Приведённые варианты реституции соотнесены с этапами реализации проекта:

- «быстрая реституция» – до ноября 2019 года (список предметов, выявленных в фондах музеев, прилагается к докладу);

- весна 2019 года – ноябрь 2022 года – период работы по второму варианту (включает в себя выявление и составление открытой электронной базы африканского наследия во французских музеях, создание специальной платформы для обмена информацией и размещения документов, проведение семинаров по проблемам реституции, совместная работа с судебными экспертами-оценщиками);

- с ноября 2022 года – продолжение работы по реституции до тех пор, пока стороны проявляют в ней заинтересованность [1, с. 53–59].

Доклад сопровождает список семинаров и дискуссий, проведённых при его подготовке в разных странах и на самых разных уровнях, а также аналитика, методические материалы и даже формы документов, которые можно использовать в работе, изображения и карточки учёта с описанием некоторых предметов. Словом, проделана большая работа. Почему же тогда *France Info* пишет о ненависти к музеям, а Национальный комитет ИКОМ организует специальное заседание для обсуждения доклада? Безусловно, тема колониализма – одна из тех, что называют «трудным наследием». Однако дело в другом: доклад о реституции вывел на уровень большой политики вопросы, которые в музейной среде не являются принципиально новыми (частично ответом на «вызов деколонизации» во Франции можно считать создание музея Бранли – это был президентский культурный проект Жака Ширака). Но сделано это было при практически полном невнимании к тому, как работает музей и что изменит в его работе и судьбе самих музейных предметов предлагаемая практика. А музей, как следует из исследований Министерства культуры, – самое популярное место культурного досуга французов [4, с. 17].

Материалы этого заседания опубликованы [5] и дают возможность понять мнение и аргументацию профессионального сообщества. Состоялось открытое обсуждение, к участию в котором в качестве спикеров были приглашены: главный хранитель музея Бранли Ив ле Фюр, директора музеев Нанта (Филипп Гиле), Ангулема (Эмилии Салаберри), Рошфора (Клод Стефани), региональных музеев, хранящих большие коллекции африканского наследия, представитель Министерства культуры (Клэр Шастанье). Обсуждение строилось вокруг вопросов, сформулированных следующим образом.

- Что говорит о наследии закон и Кодекс музейной этики ИКОМ?
- Кто и как изучал и документировал коллекции в музеях?
- Что музей должен будет говорить посетителям и партнёрам?
- Наконец, какова связь между культурной дипломатией и музеями?

Материалы дискуссии позволяют не только получить ответы на ключевые вопросы, но и составить более полное представление о проблеме. Вопрос о юридической основе реституции получил однозначно отрицательный ответ. Обсуждение проблемы изучения коллекций и музейного документирования выявило диспропорцию в возможностях различных музеев для проведения подобной специальной работы. Региональные музеи, имеющие статус «Музей Франции», несколько лет назад завершили работу по внесению в национальный реестр описаний хранящихся у них предметов, но эта работа выявила и лакуны в провенансе многих из них. Так, в музее Ангулема, хранящем около 5 000 предметов, связанных с Африкой, большая часть которых была передана в музей по завещанию коллекционера, самостоятельно составившего опись коллекции и никогда не покидавшего пределов страны, нет надёжных документальных сведений о том, как эти предметы достались владельцу. Ещё меньше возможностей, по мнению Эмили Салаберри, найти документальные свидетельства в стране происхождения предметов [5, с. 22–23]. В любом случае, такая работа требует дополнительных временных и кадровых ресурсов, а значит и расходов.

Значение научной работы для установления провенанса подчёркивают обе стороны, но музеи не согласились с упреком в монополизации подходов к интерпретации предметов и своеобразной «презумпцией виновности» этнографических музеев, положенной в основу доклада Савуа-Сарра. В сложившейся музейной практике посетителю/сообществу/диаспоре отводится роль активного соучастника многих музейных процессов вплоть до участия в атрибуции и художественной интерпретации в рамках образовательных программ. Подобная практика рекомендована по итогам национального проекта «Музей XXI века» и, как отмечали участники дискуссии, популярна и продуктивна. Более того, музеи нередко оказываются хранителями наследия, которое в силу объективных обстоятельств должно было исчезнуть и сохранилось благодаря тому, что коллекции, сформировавшиеся в ходе научных экспедиций, были переданы в музей [5, с. 36].

Бурную полемику вызвал вопрос о судьбе передаваемых предметов и состоянии коллекций, остающихся во Франции. Физическая сохранность предмета, его доступность для изучения, возможности и условия показа вызывают озабоченность большинства французских музейщиков. В большинстве случаев уникальные предметы окажутся в худших условиях по сравнению с теми, в которых находятся в настоящее время. Причиной тому – общая нестабильная обстановка на континенте, разный уровень подготовки кадров, бедность и, как следствие, угроза сохранности предметов. В ходе дискуссии было приведено немало примеров исчезновения из научного поля предметов, ранее переданных на континент.

Ещё один важный аспект проблемы – это узкая трактовка «права на наследие», к которому апеллируют авторы доклада. Современный мир делает наследие универсальным достоянием, не закрывая его в национальные рамки. Практика культурной медиации и расширения возможностей для творчества во французских музеях – прямое тому подтверждение. Что лучше: сконцентрироваться на возвращении наследия в Африку или организовывать там выставки византийского искусства и импрессионистов? Универсальный подход даёт возможность лучше понимать друг друга, в противном случае мы придём к тому, что «...бретонское наследие станет для нас недоступно, т.к. его смогут хранить только бретонцы и только они получают право его интерпретации» [5, с. 31–32].

Этическая сторона проблемы, по мнению участников дискуссии, не менее сложна. Этический кодекс ИКОМ предполагает ответственность за сохранность предметов в соответствии с профессиональными стандартами в рамках межмузейного взаимодействия, основанного на ряде научных, профессиональных и гуманитарных принципов. Подобная практика, признанная музейным сообществом во всём мире, совершенно не принимается во внимание авторами доклада, что, по мнению Президента Национального комитета ИКОМ Жюльет Рауль-Дюваль, в перспективе может привести к превращению музеев в инструмент политики и утрате его независимости как культурного и научного института [5, с. 40]. Президент комитета по музеологии Франсуа Мересс и Генеральный директор ИКОМ Петер Келлер призвали больше прислушиваться к мнению профессионального сообщества, активно работающего как над новым определением музея, так и над проблемой реституции, подчеркнув, что сильная сторона подобных дискуссий – анализ практик и прямой диалог музеев [5, с. 39–40]. Основные предложения, сформулированные в ходе дискуссии, были представлены в итоговом коммюнике.

По данным издания *The Art Newspaper* по состоянию на конец 2019 года ни один из двадцати шести предметов, которые были включены в первую очередь реституции, не был возвращен в Бенин [6]. Доклад Савуа-Сарра, спровоцировавший широкую дискуссию и подчас яростную критику со стороны музеев, до сих пор не получил практической реализации. «Возвращение наследия на родину никогда не было простой задачей. Это всегда результат широкого обмена и взаимодействия, основанного, прежде всего, на взаимных интересах. Они никогда не возникают и никогда не заканчиваются на реституции, которая всего лишь часть большой истории» [6], – отмечает Александр Херман.

Реституция – часть большой истории музеев. И, как бы ни хотелось этого избежать, она часто оказывается связанной с политикой. Дискуссия вокруг доклада о реституции затронула целый ряд фундаментальных проблем (соотношение глобального и национального, науки, культуры и политики, многомерность истории музейного строительства), но также продемонстрировала способность музейного сообщества Франции сформулировать свою позицию и открыто заявить о ней. Она также продемонстрировала исключительную важность профессионального диалога на международном уровне и значение таких базовых понятий как профессиональная этика, и, казалось бы, отвлечённых исследований в области терминологии. Сам проект реституции, запанированный на период до 2022 года, ещё не завершён.

Литература

1. Sarr F., Savoy B. Rapport sur la restitution du patrimoine culturel africain. Vers une nouvelle éthique relationnelle 2018. 232 p. [Электронный ресурс]. URL:http://restitutionreport2018.com/sarr_savoy_fr.pdf. (дата обращения: 01.06.2020).
2. Cakpo E. Rapport Savoy-Sarr: les œuvres d'art, otages du débat sur la colonisation? // The Conversation – 22.11.2018. [Электронный ресурс]. <https://theconversation.com/rapport-savoy-sarr-les-oeuvres-dart-otages-du-debat-sur-la-colonisation-107449> (дата обращения: 01.06.2020).
3. "Un cri de haine contre le concept même de musée": l'ex-patron du Quai Branly à propos des restitutions massives d'œuvres à l'Afrique préconisées par un rapport // France Info – 19.02.2020 [Электронный ресурс]. https://www.francetvinfo.fr/culture/patrimoine/un-cri-de-haine-contre-le-concept-meme-de-musee-l-ex-patron-du-quai-branly-a-propos-des-restitutions-massives-doeuvres-a-l-afrique-preconisees-par-un-rapport_3832655.html (дата обращения: 01.06.2020).
4. Rapport de la Mission Musée du XXIe siècle. Vol.1 Synthèse. 72 p.
5. Restituer? Les musées parlent aux musées Clés de lecture du rapport sur la « Restitution du patrimoine africain » remis par Felwine Sarr et Bénédicte Savoy au président de la République. 2019. 60 p. [Электронный ресурс]. <https://www.icom-musees.fr/sites/default/files/2019-04/Restituer%20%3F%20Les%20muse%CC%81es%20parlent%20aux%20muse%CC%81es%20-%20brochure%20nume%CC%81rique.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).
6. Herman A. One year after the Sarr-Savoy report, France has lost its momentum in the restitution debate // The Art Newspaper – 12.11.2019 [Электронный ресурс] <https://www.theartnewspaper.com/comment/one-year-after-sarr-savoy-where-are-we-on-colonial-restitution> (дата обращения: 01.06.2020).

FRENCH MUSEUMS COLONIAL HERITAGE AND THE PROBLEM OF RESTITUTION: FOLLOWING THE DISCUSSION AROUND THE SAVOY-SARR REPORT

M. Stefko

mstefko@yandex.ru

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia

Abstract. *The article examines the current state of the problem of cultural property restitution, its justification, opportunities and limitations. The objects are Benedicte Savoy and Felwin Sarr Report on the restitution of African heritage, prepared by order of Emmanuel Macron, and discussion in ICOM France, that followed. The report presents a view on restitution as a tool of French cultural policy in Africa. He appeals to the so-called "right to heritage" and the history of French Museum collections in the context of the country's colonial and post-*

colonial policy. Authors propose a method for organizing restitution. The discussion in the ICOM of France demonstrates professional community critical attitude to the project itself and its methods. Museums were excluded from real participation in the project at the stage of preparing the report, the Code of Ethics for Museums was not taken into account, as well as the lack of verified provenance of African heritage in France. It was also noted, that some items returned to Africa risk to be excluded from the cultural sphere for various reasons. Speakers underline the danger of politization of cultural processes and the necessity to defend the opinion of the professional community and the important role of museums as cultural institutions. Thus, the discussion of the Savoy-Sarr report demonstrated the ability of the Museum community of France to defend its position, as well as the importance of international discussion of the issue of restitution and terminology.

Keywords: French museums, restitution, African heritage, Benedicte Savoy, Felwine Sarr, ICOM of France.

For citation: Maria Stefko. French museums colonial heritage and the problem of restitution: following the discussion around the Savoy-Sarr report. *Heritage and Modern Times*. 2020;3(2):36–43.

References

- 1 F. Sarr, B. Savoy. Rapport sur la restitution du patrimoine culturel africain. Vers une nouvelle éthique relationnelle 2018. 232 p. [Электронный ресурс]. URL: http://restitutionreport2018.com/sarr_savoy_fr.pdf. (дата обращения: 01.06.2020).
2. E. Cakpo. Rapport Savoy-Sarr: les œuvres d'art, otages du débat sur la colonisation? // The Conversation – 22.11.2018. [Электронный ресурс]. <https://theconversation.com/rapport-savoy-sarr-les-oeuvres-d-art-otages-du-debat-sur-la-colonisation-107449> (дата обращения: 01.06.2020).
3. "Un cri de haine contre le concept même de musée" : l'ex-patron du Quai Branly à propos des restitutions massives d'œuvres à l'Afrique préconisées par un rapport // France Info – 19.02.2020 [Электронный ресурс]. https://www.francetvinfo.fr/culture/patrimoine/un-cri-de-haine-contre-le-concept-meme-de-musee-l-ex-patron-du-quai-branly-a-propos-des-restitutions-massives-doeuvres-a-l-afrique-preconisees-par-un-rapport_3832655.html (дата обращения: 01.06.2020).
4. Rapport de la Mission Musée du XXIe siècle. Vol.1 Synthèse. 72 p.
5. Restituer ? Les musées parlent aux musées Clés de lecture du rapport sur la « Restitution du patrimoine africain » remis par Felwine Sarr et Bénédicte Savoy au président de la République. 2019. 60 p. [Электронный ресурс]. <https://www.icom-musees.fr/sites/default/files/2019-04/Restituer%20%3F%20Les%20muse%CC%81es%20parlent%20aux%20muse%CC%81es%20-%20brochure%20nume%CC%81rique.pdf> (дата обращения: 01.06.2020).
6. A. Herman. One year after the Sarr-Savoy report, France has lost its momentum in the restitution debate // The Art Newspaper – 12.11.2019 [Электронный ресурс]. <https://www.theartnewspaper.com/comment/one-year-after-sarr-savoy-where-are-we-on-colonial-restitution> (дата обращения: 01.06.2020).

Сведения об авторе

Стефко Мария Станиславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеелогии факультета истории искусства РГГУ, Москва, Россия.
E-mail: mstefko@yandex.ru

Author of the publication

Maria Stefko, PhD in History, associate professor of the Department of Museology, Faculty of Art History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
E-mail: mstefko@yandex.ru

Дата поступления 01.06.2020

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

УДК 728:72.061

«НОВОДЕЛ» В УСАДЬБЕ: "PRO" ET "CONTRA"

М.А. Полякова
martapolyak@yandex.ru

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия

Аннотация. Статья знакомит с проблемой воссоздания усадебных ансамблей в российской практике. Автор делает акцент на возведении усадебных построек, прежде всего, усадебных домов – «новоделов», рассматривая аргументы «за» и «против» подобных проектов. В статье поставлена актуальная проблема, связанная с этим процессом – проблема подлинности.

Ключевые слова: усадьба, усадебный дом, культурное наследие, ансамбль, реставрация, «новодел», подлинность.

Для цитирования: Полякова М.А. «Новодел» в усадьбе: "pro" et "contra". *Наследие и современность*. 2020;3(2):44–53.

«Всюду в России: в южных губерниях, на севере и в центре – можно наблюдать развал старого, развал не только денежный, но развал культурный, невнимание и нелюбовь к тому, что должно украшать жизнь... И нет ни одного примера дошедшей до нас целиком сохранившейся помещичьей усадьбы XVII века», – так писал Н.Н. Врангель об усадьбах начала XX века [1]. Сохранность большинства усадебных комплексов не только XVII, но XVIII и XIX веков в наши дни можно назвать критической, их целостность в большинстве своем нарушена: мы можем буквально перечислить по пальцам усадьбы, в которых сохранились ансамбли – усадебные постройки (дом, церковь, хозяйственные службы), парки, пруды, мостики и пр. Чаще всего, от прежних усадеб остались заросшие парки, фундаменты домов, отдельные постройки. И, несмотря на процесс приватизации усадеб, который вот уже несколько десятилетий идет в стране, количество разрушенных и полуразрушенных памятников уменьшается крайне медленно [2, с. 869–916; 3, с. 527–540; 4, с. 582–623; 5, с. 601–632].

Необходимость восстановления целостности усадебных ансамблей ныне является одной из приоритетных задач. Эту задачу должен решать новый владелец, купивший усадьбу с разрушенным домом, остатками парка. Актуальна эта задача и для сферы туризма. Часто включение того или иного усадебного объекта в туристический маршрут сталкивается с проблемой сохранности этого объекта. Полуразрушенный усадебный ансамбль вряд ли может создавать у туристов «эффект присутствия» и эстетический восторг, даже если эта усадьба имеет древнюю историю и знаменитых в российской истории владельцев.

На сегодняшний день существует достаточно большой опыт воссоздания усадебных домов в известных российских музеях-усадьбах. Достаточно вспомнить Михайловское А.С. Пушкина в Псковской области, Шахматово А.А. Блока в Подмосковье, Дворяниново А.Т. Болотова в Тульской области. Усадебные дома в этих музеях воссозданы по старым чертежам и архивным документам как копии когда-то существовавших здесь подлинных объектов. По сути, в перечисленных усадьбах мы имеем «новоделы», отношение к которым в сфере сохранения и реставрации культурного наследия неоднозначно [6]. Многие специалисты выступают против многочисленных копий архитектурных уникальных объектов, появившихся в большом количестве в ряде городов. Один из авторитетнейших специалистов в сфере сохранения московского архитектурного наследия А.И. Комеч призывал еще в конце 1990-х годов относиться к процессу воссоздания архитектурного наследия осознанно, подходя к каждому факту создания «копии» индивидуально. Он писал, что восстановление архитектурных памятников, разрушенных во время Великой Отечественной войны, – это горький, но, видимо, необходимый опыт. «...таким образом зарубцовываются нанесенные врагом раны – писал он, /.../ – сшиваются разорванные страницы исторического самосознания народов» [6, с. 25].

Современная же практика «новоделов» в Москве вызывала у ученого явно критическое отношение. Он подчеркивал, что многочисленные «новоделы» в Москве привели к обесцениванию такого важнейшего понятия всей сферы сохранения культурного наследия, как подлинность. Практика строительства «новоделов», по его мнению, стала оправданием многочисленных сносов – «если все можно построить заново, то зачем хранить подлинное?» [6, с. 27]. Вместе с тем, ученый понимал, что практику воссоздания остановить уже невозможно, и дело не в политике городских властей и амбициях высокопоставленных чиновников. Этот процесс уже трудно представить без социального контекста, он стал, по сути, «социальным заказом общества». А.И. Комеч подчеркивал: «Если общество желает воссоздавать некие объекты, то надо отдать себе отчет в том, что речь идет о создании копий, дающих возможность общественному сознанию «реставрировать» дорогие для себя представления и переживания» [6, с. 26]. Называя эту практику бедой, а не победой для художественной культуры, А.И. Комеч все-таки признавал ее как общественное значимое явление.

В настоящее время проблема воссоздания целостности усадебных ансамблей стоит очень остро. Благодаря общественной инициативе обсуждаются и успешно реализуются проекты строительства «новоделов» – усадебных домов. Как оценивать эту практику? Каковы аргументы «за» и «против» ее широкого распространения? Эта проблема вызывает дискуссии в среде профессионального сообщества: в ней переплетены интересы реставраторов и архитекторов, музейных работников и менеджеров в области туризма.

Вновь встает необходимость обратиться к проблеме подлинности. Оставаясь основополагающей в сохранении культурного наследия, в том числе в изучении, актуализации объектов, реставрационной и музейной деятельности, эта проблема сегодня воспринимается иначе, чем даже несколько десятилетий назад. Причина этого изменения связана с новыми рыночными отношениями, которые буквально «захлестнули» все наше общество, в том числе и сферу культуры. Сегодня рынок диктует свои законы, идет процесс «капитализации» культурного наследия: памятники рассматриваются как товар, который должен быть как можно быстрее и дороже продан. Как следствие этого, – поспешная, нередко далекая от научной, реставрация, непродуманные проекты актуализации уникальных объектов. В сфере туризма все более востребованными становятся яркие реконструированные постройки, «новоделы», обладающие неким «историческим флером». Достаточно вспомнить московские постройки последнего десятилетия – Дворец Алексея Михайловича в Коломенском, «достроенные» живописные руины в Царицыно, Казанский собор на Красной площади. Именно в последние годы мы все чаще употребляем термины «фантазийная реставрация», «целостная реконструкция», «фасадная реставрация».

Важно отметить и еще одну тенденцию в изучении и сохранении культурного наследия, существенно повлиявшую на восприятие проблемы подлинности. Сегодня единичные объекты культурного наследия изучаются, актуализируются только в контексте с окружающей средой. Нередко окружающая среда имеет статус объекта культурного наследия (достаточно вспомнить музеи-заповедники, заказники, национальные парки). Объекты культурного наследия и памятники природы воспринимаются как единое целое. Современные исследования, рассматривающие памятники в историческом и природном контексте, являются междисциплинарными и создаются на стыке культурологии, регионоведения и географии. Именно такой культурологический подход в географии позволяет выявить территориальные особенности национальных культур. Культурная жизнь страны при этом понимается как синтез процессов, каждый из которых формирует культурный облик различных территорий. В основе этого научного подхода – понятие «культурный ландшафт», который понимается как «сотворчество человека и природы» [7–11]. С понятием «культурного ландшафта» неразрывно связана так называемая «средовая» охрана культурного наследия. Созданные на этой базе музеи несут в себе отчетливую социальную направленность, так как главным объектом

музеефикации в подобных музеях является именно среда (историко-культурная или природная) со всеми составляющими ее элементами – движимыми, недвижимыми или нематериальными объектами культурного наследия. В «средовых» музеях очень часто подлинные объекты соседствуют с копиями, «новоделами». Нередко, подлинный объект являясь средообразующим, дополняется «новоделами», позволяющими формировать именно ту среду, которая может характеризовать все необходимые взаимосвязи.

Таким образом, современные реалии сохранения и музеефикации культурного наследия ставят исследователей перед необходимостью более глубокого анализа основных постулатов о подлинности, которые приведены в международных документах по реставрации и консервации – «Венецианской хартии» (1964) и Нарском документе о подлинности (1994). Главный консультант Центра Всемирного наследия ЮНЕСКО Бернд фон Дрост в своем докладе на Нарской конференции (Япония) подчеркнул, что «...нет и никогда не будет однозначной концепции подлинности». Он писал, что положения Венецианской хартии останутся ценными в будущем, однако спустя столько лет (с 1964 года – года принятия Венецианской хартии) может настать время для пересмотра ее философской концепции [12, с. 173–175].

Но обратимся к основным «заповедям» самых авторитетных документов по реставрации – «Венецианской хартии» 1964 года и Нарского документа о подлинности 1994 года. Они остаются определенным руководством к действию для всех реставраторов и архитекторов. «Процесс реставрации должен быть остановлен там, где начинается предположение» – один из важнейших постулатов «Венецианской хартии». Этот документ объявлял приоритет консервации над реставрацией. При реставрации объектов культурного наследия в соответствии с этим документов «должно уважать значительные дополнения разных периодов строительства монумента...» [13, с. 118]. Если объект культурного наследия содержит различные исторические наслоения, то, согласно Венецианской хартии, «...раскрытие нижележащих слоев может быть оправдано только в исключительных обстоятельствах, а именно тогда, когда то, что удаляется, представляет незначительный интерес, а материал, извлекаемый на свет, обладает выдающейся исторической, археологической или эстетической ценностью» [13, с. 119]. Все эти положения обладают непререкаемым авторитетом для архитекторов и реставраторов, хотя дискуссии по определению критериев подлинности в научном сообществе сегодня достаточно остры [14–16].

Возникает вопрос, как последнее утверждение применимо к усадебным домам, в которых очень часто все наслоения и переделки обладают особой исторической ценностью, связанные с определенными художественными и историческими особенностями? Уже упомянутый

выше Бернд фон Дрост вводит такое понятие как «развивающаяся подлинность». Сохранившийся подлинный объект, видимо, необходимо рассматривать в исторической динамике, и каждый исторический пласт будет ценен, как в художественном, так и в историко-культурном срезе. В качестве примера можно привести подмосковную усадьбу Пушино-на-Наре. Усадьба находится в полуразрушенном состоянии, она исследуется реставраторами. В научной статье об усадьбе ее автор подчеркивает, что усадьба – «это памятник разных периодов русского классицизма: от раннего периода классицизма к зрелому и до неоклассицизма начала XX в. Благодаря богатой строительной истории памятника представляется возможность видеть в одном архитектурном объеме наслоения разных периодов и сравнивать строительные, композиционные и декоративные приемы разных фаз развития архитектуры» [17, с. 68–78]. Для любой усадьбы переделки и наслоения очень важны, так как они, как правило, связаны со «вкусами» и предпочтениями владельцев. Если же обратиться к международным критериям подлинности, то все они связаны с обликом памятника на момент его создания. Определены следующие критерии: подлинность материала; подлинность замысла; подлинность мастерства; подлинность окружения. Таким образом, большинство усадебных домов, имеющих сложную историю строительства, никак не соответствует международным стандартам [17, с. 78]. Вывод напрашивается сам собой – каждый памятник индивидуален, в каждом отдельном случае его подлинность определяется специалистами на основании его истории, этапов строительства и сохранности.

Все рассуждения о проблеме подлинности, трудности ее определения и некоей трансформации этой проблемы с 1960-х годов, времени утверждения «Венецианской хартии», необходимы, чтобы подчеркнуть, что современная тенденция в реконструкции памятника на время его создания практически неприменима к усадебному наследию. Проблема выбора научно обоснованной даты для реставрации усадебных домов – одна из важнейших проблем.

Как уже утверждалось выше, усадебное наследие сегодня переживает не самые легкие времена. Многие регионы страны потеряли огромное число уникальных усадебных ансамблей. Пик разрушений пришелся на 1930-е годы, когда классовые подходы возобладали над научными и музейными оценками, сказалось и чисто утилитарное отношение к памятникам архитектуры – во многих усадебных домах открывались санатории, богадельни, приюты для беспризорных. Дома перестраивались, приспособляясь к нуждам новых хозяев, нередко разрушались и просто сгорали. Синодик утраченных усадебных построек в этот период очень велик. Огромный урон нанесла и Великая Отечественная война: многие уникальные усадебные ансамбли, располагавшиеся в районах военных действий, были стерты с лица земли.

Сегодня во многих регионах по инициативе местного сообщества восстанавливают утраченные усадебные дома. Вспомним высказывание искусствоведа А.И. Комеча. Он подчеркивал, что при воссоздании памятников нужно четко отдавать себе отчет, что речь идет о создании копий, дающих возможность общественному сознанию «реставрировать» дорогие для себя представления и переживания.

Проблема воссоздания усадебных домов в полностью или частично сохранившихся парках является дискуссионной. Существует точка зрения специалистов, что в усадебном парке может быть построен дом современной архитектуры, используемый как культурно-досуговый центр, библиотека. Бесспорно, новое усадебное здание может быть интересно по замыслу, но как оно впишется в существующий ландшафт? Особенность любого усадебного ансамбля заключается в его целостности – сохранении или восстановлении необходимых взаимосвязей между постройками и природным окружением. Музейные специалисты пишут о новом территориальном подходе в музеефикации литературно-мемориальных усадебных комплексов, заключающемся в целостной демонстрации ландшафта. Более того, они активно переосмысливают свои территориальные границы, опираясь на концепцию «средового музея». «Полифония места поощряет к всестороннему раскрытию образа Мастера» – подчеркивает исследователь [18, с. 177]. Новая постройка может появиться в усадебном пространстве, если о доме ничего неизвестно: нет чертежей и планов, описаний, старых гравюр или фотографий. Но такая ситуация бывает не часто. В музеях-усадьбах появление дома-«новодела» позволяет логически завершить частично сохранившийся ансамбль, в доме появляется мемориальная экспозиция. При этом возникает очень важный, чисто музейный вопрос – чем «наполнить» этот новый дом? Чаще всего, подлинных мемориальных вещей к моменту воссоздания дома сохраняется уже не так много. Достаточно вспомнить Шахматово и Дворяниново. Появляются копии, типологические предметы. Мемориальный музей, как правило, по сути, становится музеем быта определенного периода. Но сам усадебный ансамбль с домом, который воспринимается как элемент ландшафта, может многое рассказать об известном владельце (например, старинный сохранившийся парк в усадьбе Болотова, над которым ученый работал практически всю свою жизнь, дом, который он сам строил, оформлял интерьеры своей «светелки»). При этом усадьба воспринимается целостным «культурным ландшафтом». Подобные воссозданные ансамбли востребованы в туристской сфере, большую работу с населением проводят в усадебном доме – «новоделе» музейные работники.

Вместе с тем, говорить о восстановлении целостности усадебного ансамбля со строительством усадебного дома можно с большими оговорками. Как известно, усадьба – это ансамбль, целый хозяйственный и жилой комплекс, в котором дом, бесспорно, играет доминирующую

роль, но в него входят и флигели, и хозяйственные постройки, парковые сооружения. Практика строительства «новоделов» хозяйственных построек в усадебном пространстве, особенно когда в усадьбе создается музей, встречается не часто. Таким образом, даже строительство усадебного дома далеко не всегда создает необходимый эффект целостности ансамбля.

Без сомнения, практика воссоздания усадебных домов не должна принимать широкий размах, в каждом конкретном случае необходимо ставить проблему о целесообразности нового строительства. Невозможно в каждом вновь построенном доме открыть музей, и большая часть проектов касается такой формы актуализации подобных новоделов, как «артосмысление», то есть открытие в них культурно-просветительных центров, библиотек, школ или выставочных залов. В качестве примера можно привести проект актуализации усадебного дома Милюковых в с. Овсище Вышневолоцкого района Тверской области, связанного с творчеством художников Г.В. Сороки и С.Ю. Жуковского. Дом, его окружение, интерьеры изображены на полотнах этих художников. Дом сохранился, но подлинность его значительно нарушена – в 1930-е годы усадебный дом был перемещен из с. Островки, где находилась сама усадьба Милюковых. Изменилось природное окружение памятника. Ныне он расположен в с. Овсище, дом кардинально перестроен. В нем расположена сельская библиотека. Сейчас идет процесс восстановления дома по проекту реставратора В.И. Якубени. Картины Г.В. Сороки и С.Ю. Жуковского являются важным источником при реставрации внешнего облика дома, его интерьеров. Инициатива восстановления дома принадлежит сотрудникам библиотеки [19]. Подобные примеры есть и по другим областям [20].

Как оценить эту современную тенденцию? С точки зрения жестких реставрационных критериев, представленных в международных документах, эта практика просто недопустима. Но выше мы уже писали о тех изменениях, которые претерпело само понятие подлинности, отношение к этой проблеме. Многое изменилось и в музейной политике, в изучении и сохранении культурного наследия. Практически все наши российские музеи, и самые крупные – столичные, и небольшие – региональные, повернулись лицом к посетителю. Проблемы коммуникации в музееведении признаются всеми исследователями приоритетными в музейной теории и практике. Именно поэтому инициатива с мест, из регионов всячески приветствуется столичными учеными, практиками и административными ведомствами. «Сегодня интерес к регионам огромен – пишет один из исследователей – в чем-то это реакция на процессы глобализации, а в чем-то начало выстраивания мира на иных основаниях, мира гораздо более разнообразного, чем он казался еще вчера» [21].

Таким образом, одним из главных условий воссоздания усадебного дома является не просто поддержка этого проекта местным сообществом, но самое активное его участие в нем. Только тогда можно говорить о целесообразности восстановления усадебного дома. И, наверное, не столь важно, с какой точностью копия будет воспроизводить оригинал: воссозданный объект станет символом памяти, в котором хозяева дома будут бережно сохранять историю своего города или села и той усадьбы, целостность которой становится своеобразным залогом ее сохранения.

Литература

1. Врангель Н.Н. Помещичья Россия // История русских усадеб и поместий. М., 2009. 10 с.
2. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 13–14 (29–30). М., 2008. С. 869–916.
3. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 15 (31). М., 2009. С. 527–540.
4. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 18 (34). СПб., 2013. С. 582–623.
5. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 20 (36). СПб.-М., 2015. С. 601–632.
6. Проблемы воссоздания утраченных памятников архитектуры. Pro et contra. Иконников А.В. и др. (РЕД.). М., 1998. 120 С.
7. Культурная география / Под ред. Ю.А. Веденина, Р.Ф. Туrowsкого. М., 2001. 191 с.
8. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М., 2004. 620 С.
9. Гуманитарная география / под ред. Д.Н. Замятина. вып. 1–6. М., 2004–2010.
10. Полякова М.А. Культурное наследие России. История охраны и современное состояние. М., 2015. С. 35.
11. Веденин Ю.А. География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. М.: Новый хронограф. 2018. 472 с.
12. Вятчанина Т.Н. Современные концепции подлинности в отечественной теории реставрации // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 7. М., 2014. С. 173–174.
13. Международное право и охрана культурного наследия. Документы, библиография. Авторы-составители: М.А. Полякова и А.А. Александров. Под редакцией С.И. Сотниковой, И.М. Вандулакиса. Афины., 1997. 118 с.
14. Понятие подлинности в современной теории и практике реставрации // Материальная база сферы культуры. М., 1996.
15. Бобров Ю.Г. Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия. М., 2004.
16. Реставрация и исследования памятников культуры. Вып.7. М., 2014 (статьи К.В. Рыцарева и А.С. Щенкова, Т.Н. Вятчаниной, С.Б. Куликова).
17. Флоренцева Н.А. Усадьба Пущино-на-Наре: подлинность и наслоения // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып.7. М., 2014. С. 68–78.
18. Никитина Н.А. Музеефикационная эмпирика: рецепции и переработки // Триумф музея? СПб., 2005. 177 с.
19. Полякова М.А. Дом с картины обретает новую жизнь: музеефикация усадебного дома Милюковых в селе Овсище Тверской области // Меж двух столиц: тверская архитектура и монументальное искусство XVIII – середины XX века. Сборник статей. Составитель и ответственный редактор А. М. Салимов. Тверь., 2018. С. 148–156.
20. Наумов А.А. Опыт возрождения усадебного комплекса Богоявленское, «Брыково тож»: от восстановления стен к преобразению жизни // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 22(38). СПб., 2017. С. 540–546.
21. Дукельский В. Региональная культурная политика: в поисках оснований // Музей и регион. Отв. ред. А.В. Лебедев. Сост. В.Ю. Дукельский. М., 2011. С. 12.

“MODERN REPLICA” IN COUNTRY SEATS: “PRO” ET “CONTRA”

M. Polyakova

martapolyak@yandex.ru

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Abstract. *This article deals with the problem of houses reconstruction in Russian country estates. The author concentrates on the erection of new-builds, describing pros and cons of suchlike projects. The problem of authenticity, closely connected to the theme in focus, is also stated.*

Keywords: *country seat; country seat's house, heritage, architectural ensemble, restoration, modern replica, new-build, authenticity.*

For citation: Polyakova M. “Modern replica” in country seats: “pro” et “contra”. *Heritage and Modern Times*. 2020; 3(2):44–53.

References

1. *Vrangel` N.N. Pomeschich`ya Rossiya // Istoriya russkix usad`b i pomestij. M., 2009. 10 s.*
2. *Sbornik Obshhestva izucheniya russkoj usad`by`. Vy`p. 13–14 (29–30). M., 2008. S. 869–916.*
3. *Sbornik Obshhestva izucheniya russkoj usad`by`. Vy`p. 15 (31). M., 2009. S. 527–540.*
4. *Sbornik Obshhestva izucheniya russkoj usad`by`. Vy`p. 18 (34). SPb., 2013. S. 582–623.*
5. *Sbornik Obshhestva izucheniya russkoj usad`by`. Vy`p. 20 (36). SPb-M., 2015. S. 601–632.*
6. *Problemy` vossozdaniya utrachennyy`x pamyatnikov arxitektury`. PRO et CONTRA. Ikonnikov A.V. i dr. (red.). M., 1998. 120 s.*
7. *Kul`turnaya geografiya / Pod red. Yu.A. Vedenina, R.F. Turovskogo. M., 2001. 191 s.*
8. *Kul`turnyy`j landshaft kak ob`ekt naslediya / Pod red. Yu.A. Vedenina, M.E. Kuleshovoj. M., 2004. 620 s.*
9. *Gumanitarnaya geografiya / Pod red. D.N. Zamyatina. Vy`p. 1–6. M., 2004–2010.*
10. *Polyakova M.A. Kul`turnoe nasledie Rossii. Istoriya oxrany` i sovremennoe sostoyanie. M., 2015. S. 35.*
11. *Vedenin Yu.A. Geografiya naslediya. Territorial`ny`e podxody` k izucheniyu i soxraneniyu naslediya. M.: Novyy`j xronograf. 2018. 472 s.*
12. *Vyatchanina T.N. Sovremennyy`e koncepcii podlinnosti v otechestvennoj teorii restavratsii // Restavratsiya i issledovaniya pamyatnikov kul`tury`. Vy`p. 7. M., 2014. S. 173–174.*
13. *Mezhdunarodnoe pravo i oxrana kul`turnogo naslediya. Dokumenty`, bibliografiya. Avtory`-sostaviteli: M.A. Polyakova i A.A. Aleksandrov. Pod redakciej S.I. Sotnikovoj, I.M. Vandulakisa. Afiny`, 1997. 118 s.*
14. *Ponyatie podlinnosti v sovremennoj teorii i praktike restavratsii // Material`naya baza sfery` kul`tury`. M., 1996.*
15. *Bobrov Yu.G. Teoriya restavratsii pamyatnikov iskusstva: zakonomernosti i protivorechiya. M., 2004.*
16. *Restavratsiya i issledovaniya pamyatnikov kul`tury`. Vy`p. 7. M., 2014 (stat`i K.V. Ry`czareva i A.S. Shhenkova, T.N. Vyatchaninoy, S.B. Kulikova).*
17. *Florenceva N.A. Usad`ba Pushhino-na-Nare: podlinnost` i nasloeniya // Restavratsiya i issledovaniya pamyatnikov kul`tury`. Vy`p. 7. M., 2014. S. 68–78.*
18. *Nikitina N.A. Muzeefikatsionnaya e`mpirika: recepcii i pererabotki // Triumf muzeya? SPb., 2005. 177 s.*
19. *Polyakova M.A. Dom s kartiny` obretaet novuyu zhizn`: muzeefikatsiya usad`bnogo doma Milyukovy`x v sele Ovsishhe Tverskoj oblasti // Mezhdvux stolicz: tverskaya arxitektura i monumental`noe iskusstvo XVIII – sere diny` XX veka. Sbornik statej. Sostavitel` i otvetstvenny`j redaktor A. M. Salimov. Tver`, 2018. S. 148–156.*

20. *Naumov A.A.* Опы́т vozrozhdeniya usadbnogo kompleksa Bogoyavlenskoe, «Bry`kovo tozh»: ot vosstanovleniya sten k preobrazheniyu zhizni // Russkaya usad`ba. Sbornik Obshhestva izucheniya russkoj usad`by`. Vy`p. 22(38). SPb., 2017. S. 540–546.

21. *Dukel`skij V.* Regional`naya kul`turnaya politika: v poiskax osnovanij // Muzej i region. Otv. red. A.V. Lebedev. Sost. V.Yu. Dukel`skij. M., 2011. S. 12.

Сведения об авторе

Полякова Марта Александровна, кандидат исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия. E-mail: martapolyak@yandex.ru

Author of the publication

Marta Polyakova, PhD in History, professor of Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia. E-mail: marta-polyak@yandex.ru

Дата поступления 15.05.2020

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ УСАДЕБНОГО НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

И.А. Трубецкая

irinatroubetzky@hotmail.com

Московское областное отделение ВООПИиК

Московская область, Россия

Аннотация. В статье рассматривается сохранение усадеб Подмосковья как объектов культурного наследия, наличие охранного статуса у сооружений, парков, наличие утверждённых границ территории и зон охраны. В качестве примера взяты усадьбы Ивановское, Гребнево, Отрада, Зендиково и другие. Также рассмотрены программы аренды и продажи усадеб.

Ключевые слова: усадьбы Подмосковья, парки, аренда «рубль за метр», предмет охраны, зоны охраны.

Для цитирования: Трубецкая И.А. Современные проблемы сохранения усадебного наследия (на примере Московской области). *Наследие и современность*. 2020;3(2):54–63.

Историко-культурное наследие Московской области – основа идентичности региона, составляющего ближайшее окружение столицы. Видовой состав памятников архитектуры, садово-паркового искусства, культурных ландшафтов, их стилистический облик отражают историю региона и функции, которые по отношению в Москве и к соседним губернским, затем областным центрам выполняли города и сёла Подмосковья. Одной из функций можно назвать размещение загородных имений, «подмосковных», она отражена в богатом усадебном наследии, сохранившемся до наших дней.

Как правило, усадебные комплексы состоят из главного дома и служебных построек, парка с прудами и малыми архитектурными формами. Конечно, понятие усадебного наследия гораздо шире и подразумевает определённый жизненный уклад, виды растений, выращиваемых в усадебных парках, виды искусства, которыми увлекались владельцы. Феномен русской усадьбы, как своеобразного, замкнутого мира или точнее множества соприкасающихся миров в единой системе, многообразен и разнолик. Но с утратой усадебного уклада как стиля жизни, сегодня мы можем судить о его былом величии по материальным остаткам на местах – архитектуре и паркам.

Большинство известных на сегодня усадеб Подмосковья имеет статус объекта культурного наследия. В сообщениях областных ведомств обычно называется цифра 320 усадеб, расположенных в регионе и подлежащих сохранению [1]. Часто одни постройки усадебного ансамбля имеют статус объектов культурного наследия федерального

значения, другие – регионального значения, третьи годами остаются выявленными объектами или вовсе не имеют охранного статуса. Статистики по точному количеству усадебных сооружений и парков в списках объектов федерального и регионального значения, а также выявленных объектов, нет. Согласно федеральному законодательству, выявленные объекты должны рассматриваться в течение года и после прохождения историко-культурной экспертизы получать утверждённый предмет охраны и установленные границы территории, регламентирующие реставрационную и хозяйственную деятельность на них. Однако этот срок не выдерживается, из-за чего, несмотря на наличие статуса «выявленного объекта», сооружения и ландшафты (парки) довольно узловимы.

Усадебные постройки, не имеющие статус памятника

Кроме нахождения компонентов усадеб подолгу в списках «выявленных объектов», среди усадебных сооружений, особенно бывших хозяйственных построек, немало и лишь «рекомендованных» к постановке на госохрану или просто выпавших из списков.

Например, в такой усадьбе первого ряда как Отрада-Семёновское Ступинского района, кузница второй половины XVIII века, выстроенная «в готическом вкусе» и расположенная непосредственно напротив въезда в усадьбу, не имеет охранного статуса, она лишь «рекомендована к постановке на учёт» согласно документации прошлых лет. В усадьбе Ивановское (в настоящее время в черте Подольска) не имеет охранного статуса так называемый садовый павильон, также выстроенный с элементами усадебной готики конца XVIII века и расположенный напротив парадного двора. В усадьбе Гребнево Щёлковского района каретный сарай XVIII века и скотный двор XIX века постройки с 2006 года значатся «выявленными» объектами; ворота хозяйственного двора и одна из башен ограды не имеют даже этого статуса.

Иногда усадебные постройки «выпадают» из списков памятников из-за слишком общих формулировок в документации, когда не ясно, какие именно сооружения считаются подлежащими сохранению. Например, в усадьбе Марфино «выпала» пристань с грифонами. В постановлении Совета министров РСФСР №1327 от 1960 года среди усадебных элементов Марфино значится «терраса-подпорная стена» [2]. Составители историко-культурного опорного плана в наши дни отмечают подпорную стену и террасу, но не отмечают пристань и грифонов, расположенных ниже по террасированному спуску у пруда, помещая их в раздел «рекомендуемых к постановке на охрану» [3]. Чтобы осуществить эту рекомендацию, необходимо составить заявку, приложить историческую справку, архитектурно-художественное описание, отправить на рассмотрение в областное Управление, затем вы-

ступить заказчиком историко-культурной экспертизы. Если заявку не составлять, вернуть пристань с грифонами в состав ансамбля можно через предмет охраны усадьбы, в случае Марфино предмет охраны не утверждён. Практика показывает, что для сохранения подлинности отдельного сооружения лучше, когда у него самого есть охранный статус.

Сказывается и то, что в 1960–1970-е годы и ранее, когда основное количество усадеб получили статус памятника архитектуры, в ряде случаев его присваивали главному дому и флигелям, не учитывая ценность служебных сооружений хозяйственного двора. Сегодня, когда по прошествии полувека всё меньше остаётся подлинной исторической архитектуры, а многие подлинные компоненты усадеб с 1970-х годов оказались руинированы или утрачены целиком, ценными представляются все сохранившиеся элементы усадебных комплексов.

Парки и ландшафты

Вопрос сохранения усадебных ландшафтов и парков – один из наименее разработанных в Московской области. Ряд усадеб, имеющих статус объекта культурного наследия даже федерального значения, не включает в перечень сохраняемых компонентов не только служебные постройки, но и парк. Парк XVIII века при этом может упоминаться как «рекомендуемый к постановке на госохрану» в разработанных ранее проектах зон охраны усадьбы, однако в терминологии федерального закона № 73 такого понятия юридически не существует. Лучше обстоит дело, когда парк имеет статус «выявленного» объекта. Это хорошо видно на примере уже упомянутых усадеб.

В Отраде, объекте культурного наследия федерального значения с 1960 года, парк XVIII–XIX веков лишь «предлагается к постановке на госохрану». Так он отмечен в разработанном в 2013 году проекте зон охраны усадьбы (проект не утверждён) [4]. Не совсем понятно, кому эта рекомендация даётся, так как областной программы по обследованию и выявлению исторически ценных объектов в регионе нет лет двадцать. В Положении о Главном управлении культурного наследия Московской области есть функции надзора и контроля, но не выявления исторически ценных объектов, соответственно, не предусмотрено и статьи финансирования из бюджета. Для любителей старины обоснование ценности и уточнение исторической планировки и видового состава парка вопрос непростой, требующий привлечения специалистов. В Отраде изучение и сохранение парка осложнено тем, что его большая, пейзажная часть, расположенная за рекой Лопасней, с 1937 года находится под госдачей. Но и регулярную часть с садом изучить в настоящее время практически невозможно, это территория санатория Военмедуправления ФСБ. На месте сада с белокаменной оградой санаторием ещё в 1970–1980-е годы были выстроены жилые корпуса; удивительно, что старые оранжереи и теплицы до сих пор числятся в списке памятников архитектуры федерального значения.

Так же статус лишь «рекомендованного к постановке на охрану» имеет парк конца XVIII века усадьбы Ивановское Подольского района [5]. Статус «выявленного объекта» имеет парк усадьбы Гребнево. Все три усадьбы – известные крупные подмосковные комплексы, сформировавшиеся в XVIII веке. При начале хозяйственных работ по современному благоустройству и при наступающей застройке такие градации в охранном статусе оказываются решающими и губительными.

Для усадебных парков, кроме наличия статуса объекта культурного наследия, особенно важным является наличие утверждённых границ территории и зон охраны усадьбы. В наиболее уязвимом положении находятся отдалённые пейзажный части и дальние панорамы, годами сохранявшиеся благодаря окрестным сельхоз полям и пашням.

Например, парк Ивановского в целом сохраняется благодаря утверждённым в 2008 году границам территории усадебного ансамбля. Однако из-за того, что зоны охраны не утверждены, на кромке парка и напротив парадного двора усадьбы в последние двадцать лет появилась многоэтажная жилая застройка. Искажены заречные панорамы противоположного берега реки Пахры, утрачена визуальная связь с соседними Дубровицами.

Усадьбе Гребнево обеспеченность зонами охраны не помогла. С 1988 года здесь действовали установленные решением Мособлисполкома зоны охраны, в 2014 их сменил новый проект [6]. В 2016 году напротив триумфальной арки парадных ворот, визитной карточки Гребнево, начато строительство двухэтажного «офисного центра с хозблоком». Земельный участок частично входит в границы территории объекта культурного наследия, частично – в его охранную зону. Разрешение на строительство выдала администрация сельского поселения Гребневское Щёлковского района.

Реставрация, приспособление и использование

Многие подмосковные усадьбы реставрировались в 1970–1980-е годы с целью устройства музеев либо домов отдыха. Постановление № 1327 от 1960 года содержало перечень из 31 подмосковной усадьбы, намеченной к реставрации и музейному показу в первую очередь [7]. Они были тщательно изучены и отреставрированы, некоторые под ведомственные медицинские учреждения. В связи с изменившейся экономической ситуацией в стране большое число усадеб затем перестало использоваться и начало разрушаться. Особенно печально разрушение отреставрированных ранее усадеб: Петрово-Дальнее Красногорского района, где были проведены образцовые работы в 1970-е годы, особенно по скрупулёзному воссозданию интерьеров; уже упоминавшееся Семёновское-Отрада, где было проведено детальное исследование в 1980-е. Обе усадьбы утратили былую ведомственную принадлежность.

Показательна судьба Отрады. Как отмечалось выше, после 1937 года она попала в ведение КГБ. С 1984 года специалистами Мособлстройреставрации по заданию Военно-строительного управления КГБ велось исследование и выполнение проектных работ по реставрации историко-архитектурного комплекса с прилегающим к нему парком. Из протоколов совещаний известно, что в усадебных корпусах планировалось устроить детскую дачу [8]. Была выполнена топографическая и подеревная съёмка, сделаны обследование гидросистемы, обмеры фасадов всех сооружений, зондажи, раскопки на отдельных участках. В те годы в библиотеке сохранялись дубовые полы, панели, двери, старая столярка и остатки фурнитуры, печи.

В 1990-е работы остановились, ещё через несколько лет усадебные постройки забросили, они стали проходить в аварийное состояние. Было принято ведомственное решение о передаче Отрады городу Москве, в 1998 году началась передача из федеральной в городскую собственность. Министерство госимущества РФ выпустило распоряжение, исключившее усадебные постройки из реестра федеральной собственности. По неизвестным причинам регистрация права собственности городом не состоялась. В 2001 году санаторий «Семёновское» ФСБ РФ зарегистрировал право оперативного управления на три исторических сооружения – мавзолей и два служебных корпуса. Несколько лет продолжались суды на право города оформить имущественные права на усадьбу. Наконец в 2008 году вынесен окончательный судебный отказ, передача усадьбы Москве не произошла. В результате исторические постройки усадьбы екатерининского времени оказались бесхозны и списаны с баланса. Продолжая числиться памятником архитектуры федерального значения, усадьба как бы перестала существовать как объект недвижимости.

В настоящее время, после ходатайства ВООПИиК, главный дом и служебные корпуса, оранжереи и павильоны снова зарегистрированы Росимуществом. К сожалению, ФСБ РФ в лице санатория «Семёновское» и владеющее заречной госдачей ФСО, отказались взять в пользование дворец и службы, что было бы наиболее логично, учитывая, что оба ведомства находятся на усадебной земле. Необходимо привлечение инвестора, хотя, представляется маловероятным, что кто-либо потянет стоимость реставрации такого ансамбля, тем более расположенного на земле ФСБ, если не предоставить льготы [9]. Сложилась ситуация, когда в отсутствие пользователя накрыть дом временной крышей и провести хотя бы противоаварийные работы некому.

В похожем состоянии находится усадьба Зендиково под Каширой – некогда протяжённый классицистический дворец с масштабными портиками на главном и парковом фасадах. Она стала бесхозна из-за распада совхоза и отсутствия средств у местных властей на её поддержание. Главный дом, в советское время использовавшийся под жильё совхоза и птицефабрики, начал приходить в упадок в 1970-е годы, по-

сле был заброшен. В 2003 году по распоряжению Минимущества РФ Зендиково передано в оперативное управление Агентству по управлению и использованию памятников истории и культуры (АУИПИК) Минкультуры РФ. В 2010 году Агентство провело инвентаризацию усадьбы, по заказу областного Минкультуры были подготовлены акты технического состояния исторических сооружений, даны рекомендации по сохранению. Однако, как следует из ответа АУИПИК в 2018 году, усадьба «из казны Российской Федерации на баланс Агентства по акту приёма-передачи не передавалась», право собственности не наступило [10]. В итоге ещё одна бесхозная усадьба, работ по сохранению которой не проводится, главный дом в настоящее время можно не увидеть в гигантских зарослях, проходя рядом.

Вопрос восстановления и приспособления усадеб – один из наиболее острых в стране в целом и особенно в Подмосковье, как в ближайшем к столице регионе. Специалистами признаётся сложность приспособления усадебных ансамблей, учитывая их большие площади, включая земельный участок, многосоставность и высокую степень ограничений (запрет изменения планировки, необходимость воссоздания лепного декора фасадов и интерьеров). Признавая, что невозможно сделать музеями большинство, фактически обсуждается единственная функция размещения в них гостиничных комплексов. Эта функция, можно сказать, наследует функции домов отдыха советского периода с поправкой на то, что если раньше они были государственными, то теперь, в условиях рыночной экономики, предполагаются частными.

Это приводит к необходимости передачи усадеб в частные руки. На взгляд автора, приватизация или частная аренда усадеб, на которые годами не находится средств государственного бюджета, – необходимый процесс, возвращающий их в частное владение, как они некогда и задумывались. Возможность отреставрировать и содержать все сохранившиеся усадьбы за счёт государства не удавалось даже при плановой экономике в советское время. При этом массовая реституция, аналогичная церковной, не представляется возможной, но некоторые льготы потомкам владельцев при условии, что усадьба нуждается в реставрации и является бесхозной, могли бы быть установлены.

В 2013 году в Подмосковье, первом регионе в стране, начала работать программа льготной аренды «Рубль за квадратный метр», предполагающая сдачу в аренду на 49 лет объектов культурного наследия, находящихся в региональной собственности. Реставрация объекта должна быть завершена в течение 7 лет, до её завершения действует коммерческая ставка аренды, с которой арендатор выиграл аукцион [1]. После завершения работ и подписания акта приёмки начинает действовать льготная ставка в 1 рубль за кв. метр. Таким образом, арендатор оказывается заинтересован завершить работы как можно скорее, чтобы скорее получить льготу.

Уже в конце 2013 года была выставлена на аукцион усадьба Талицы купцов Аигиных в Пушкинском районе. В 2014 году программу льготной аренды утвердил ряд муниципальных поселений Подмосковья, что позволило сдавать в аренду и усадьбы, находящиеся в муниципальной собственности. За 2014 год было сдано в аренду основное количество усадеб, находящихся в областной собственности (в порядке проведения аукционов): Черкизово в Коломенском районе, Пущино-на-Наре в Серпуховском, Зенино в Люберецком, Спасское в Воскресенском, Васино в Чеховском, Кузьминское в Домодедовском. В 2015 году сдана в аренду усадьба Ляхово в Домодедовском районе. Кроме этого, было сдано несколько объектов культурного наследия не усадебного типа (дом управляющего Балашихинской фабрики, больничный комплекс в Гребнево и др.). Большинство из них взято в аренду филиалами инвестиционной компании ASG из Татарстана, заявившей о создании комплексного проекта «Усадебное кольцо». Из сданных в аренду усадеб отреставрирована пока лишь первая, Талицы, по работам на других имеется критика специалистов и ВООПИиК. С целью скорее провести и завершить работы арендатор начинал их, не дожидаясь установленного разрешения и не принимая во внимание необходимость scrupulously сохранять ценные элементы. В итоге были остановлены работы в усадьбах Пущино-на-Наре и Васино, в обеих в ходе работ разобраны подлинные части главного дома (сводчатые перекрытия подвала в первой, крыльца и печи во второй). Одной из причин остановки работ стали также финансовые трудности арендатора. В результате, работы почти на всех усадьбах не ведутся уже почти пять лет, здания стоят раскрытые, подлинные элементы не законсервированы, такое положение ведёт к ухудшению состояния построек. Пока можно сказать, что программа льготной сдачи в аренду в регионе себя не оправдала и не стала инструментом по сохранению подмосковных усадеб.

Другая программа, действующая в регионе, «Зелёный коридор», подразумевает покупку усадеб, требующих реставрации, право собственности подтверждается после окончания реставрационных работ. Стоимость объекта определяется коммерческая, льгот нет, после аукциона продажи покупатель должен заплатить 20% стоимости, остальные он будет вносить в рассрочку. Реализует программу Распорядительная дирекция Минкультуры РФ, в собственность которой недвижимость передаётся государством специально для продажи. Эта же организация контролирует процесс реставрации, плотно взаимодействуя с новым владельцем, помогая ему.

В 2014 году по этой программе за 4,5 млн руб. была продана усадьба Татищевых Болдино (в соседнем леске, где раньше была церковь, находится могила В.Н. Татищева) [11]. Усадебные постройки значительно руинированы, но сохранилось довольно полное описание комплекса на первую треть XIX века. Болдино приобрёл также один из филиалов инвестиционной компании ASG, разработка проектной

документации велась в закрытом режиме, затем была фактически остановлена. С 2014 года на торги выставялось не раз упоминаемое в статье Гребнево, но покупательские предложения отсутствовали, цена постепенно понижалась. В 2016 году её снова выставили на аукцион, оценив в 130 млн руб., стоимость работ по восстановлению всего комплекса оценивалась в 500 млн руб. В том же году произошло обрушение главного дома ввиду его крайне аварийного состояния, лишь после этого были приняты хотя бы какие-то меры по консервации руинированного дома со стороны государства. В 2017 году Гребнево было продано за 80,1 млн руб. [12]. В настоящее время уже три года, ведётся разработка проекта реставрации и приспособления усадьбы.

Пока можно говорить лишь о единичных примерах возрождения подмосковных усадеб или даже планов по их возрождению. На взгляд автора, для налаживания механизма продажи и привлечения покупателей необходимо установление льгот. Для обоих механизмов – аренды и продажи – совершение сделок с усадьбами должно становиться возможно только после утверждения необходимой охранной документации, прежде всего, предмета охраны усадеб как объектов культурного наследия. Вторым важным условием является открытость процесса реставрации и соблюдение принципов объективного научного подхода.

Подводя итоги, можно сказать, что на сохранение усадебного наследия Подмосковья решающее значение оказывает: изученность и наличие охранного статуса у всех компонентов усадебных ансамблей; обеспеченность утверждённой документацией, такой как предмет охраны, границы территории, зоны охраны – всё вместе устанавливает ясные правила хозяйственной деятельности. Проблема привлечения частного капитала зависит от общей экономической ситуации в стране, возможностей бизнес-сектора вкладывать деньги в историческую недвижимость. На взгляд автора, государство, оставаясь владельцем большинства усадеб, не должно самоустраиваться, оставляя проведение давно назревших противоаварийных работ будущим пользователям. Стоимость консервации в разы меньше стоимости реставрационных проектов, необходимо ранжирование усадеб по степени угрозы их состоянию в ближайшие годы и разработка федеральной и региональных программ по их поддержанию до передачи в частную собственность. Для стимулирования последней, очевидно, необходима разработка не только льготной аренды, но и льгот при продаже.

Литература

1. Правительство Московской Области. Губернаторская программа «Усадьбы Подмосковья». Эл. ресурс: <https://mosreg.ru/seychas-v-rabote/gosudarstvennyie-programmy/programma-usadby-podmoskovya>
2. Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». Приложение 1.
3. Проект зон охраны объекта культурного наследия федерального значения «Усадьба Марфино XVIII–XIX вв.», расположенного в селе Марфино сельского поселения Федоскинское Мытищинского муниципального района Московской области. 2015.
4. Проект зон охраны объекта культурного наследия федерального значения «Усадьба Отрада XVIII в.» в селе Семёновское Ступинского муниципального района Московской области. 2013.
5. Проект зон охраны объекта культурного наследия федерального значения «Усадьба Ивановское XVIII–XIX вв.» в городе Подольске Московской области. 2013.
6. Проект зон охраны объекта культурного наследия федерального значения «Усадьба Гребнево XVIII–XIX вв.», расположенного в деревне Гребнево сельского поселения Гребневское Щелковского муниципального района Московской области. 2014.
7. Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». Приложение 3.
8. ГНИМА имени А.В. Щусева. Фонд Мособлстройреставрации. КП ОФ – 6040/9. 1987.
9. Трубецкая И.А. Прошлое и настоящее усадьбы Отрады // Подмосковный летописец. 2019. №1.
10. Ответ АУИПИК автору от 04.07.2018 № 2340/15.
11. Российский аукционный дом. Эл. ресурс: <https://auction-house.ru/news/usadba-boldinoi/>
12. Российский аукционный дом. Эл. ресурс: <https://auction-house.ru/news/usadby-grebnevo/>

CONTEMPORARY PROBLEMS OF PRESERVING COUNTRY ESTATES (THROUGH THE MOSCOW REGION EXAMPLE)

I. Trubetskaya

irinatrubetzky@hotmail.com

Moscow Regional Branch of All-Russian Society for the Protection
of Historical and Cultural Monuments,
Moscow region, Russia

Abstract. *The article considers preservation of the Moscow region country estates as cultural heritage objects, existence of protection status of buildings and parks, approved boundaries of the territory and protection zones. Ivanovskoye, Grebnevo, Otrada, Zendikovo, etc. estates are taken as examples. Programs for estates' rentals and sale are also examined.*

Keywords: *Moscow region country seats, parks, rent "a ruble per a meter", subject of protection, protection zones.*

For citation: Trubetskaya I. Contemporary problems of preserving country estates (through the Moscow region example). *Heritage and Modern Times*. 2020;3(2):54–63.

References

1. Pravitel'stvo Moskovskoj Oblasti. Gubernatorskaya programma «Usad'by` Podmoskov'ya». E'l. resurs: <https://mosreg.ru/seychas-v-rabote/gosudarstvennyie-programmy/programma-usadby-podmoskovya>
2. Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR ot 30.08.1960 № 1327 «O dal'nejshem uluchshenii dela oxrany` pamyatnikov kul'tury` v RSFSR». Prilozhenie 1.

3. Projekt zon ohrany` ob``ekta kul`turnogo naslediya federal`nogo znacheniya «Usad`ba Marfino XVIII–XIX vv.», raspolozhennogo v sele Marfino sel`skogo poseleniya Fedoskinskoe My`tishhinskogo municipal`nogo rajona Moskovskoj oblasti. 2015.
4. Projekt zon ohrany` ob``ekta kul`turnogo naslediya federal`nogo znacheniya «Usad`ba Otrada XVIII v.» v sele Semyonovskoe Stupinskogo municipal`nogo rajona Moskovskoj oblasti. 2013.
5. Projekt zon ohrany` ob``ekta kul`turnogo naslediya federal`nogo znacheniya «Usad`ba Ivanovskoe XVIII–XIX vv.» v gorode Podol'ske Moskovskoj oblasti. 2013.
6. Projekt zon ohrany` ob``ekta kul`turnogo naslediya federal`nogo znacheniya «Usad`ba Grebnevo XVIII–XIX vv.», raspolozhennogo v derevne Grebnevo sel`skogo poseleniya Grebnevskoe Shhelkovskogo municipal`nogo rajona Moskovskoj oblasti. 2014.
7. Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR ot 30.08.1960 № 1327 «O dal`nejshem uluchshenii dela ohrany` pamyatnikov kul`tury` v RSFSR». Prilozhenie 3.
8. GNIMA imeni A.V. Shhuseva. Fond Mosoblstrojrestavracii. KP OF – 6040/9. 1987.
9. *Trubetskaya I.A.* Proshloe i nastoyashhee usad`by` Otrady` // Podmoskovny`j le-topisecz. 2019. №1.
10. Otvet AUIPIK avtoru ot 04.07.2018 № 2340/15.
11. Rossijskij aukcionny`j dom. E`l. resurs: <https://auction-house.ru/news/usadba-boldino1/>
12. Rossijskij aukcionny`j dom. E`l. resurs: <https://auction-house.ru/news/usadby-grebnevo/>

Сведения об авторе

Трубецкая Ирина Александровна, закончила аспирантуру РГГУ, в настоящее время работает над диссертацией на тему «Культурное наследие Подмосковья: структура и особенности сохранения», научный руководитель М.А. Полякова. С 2013 по 2019 годы помощник, затем заместитель председателя Московского областного отделения ВООПИиК. Член ИКОМОС, Москва, Россия.
E-mail: irinatroubetzkya@hotmail.com

Author of the publication

Irina Trubetskaya, graduated from graduate school of the Russian State University for the Humanities, is currently working on a dissertation thesis "Cultural heritage of the Moscow Region: conservation structure and features" under research supervision of M.A. Polyakova. Since 2013 to 2019 was an assistant, then deputy chairman of the Moscow regional branch of All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments, member of ICOMOS, Moscow, Russia.
E-mail: irinatroubetzkya@hotmail.com

Дата поступления 02.06.2020

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА В СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

С.А. Поляков

travel.poliakov@gmail.com

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается система риск-менеджмента культурного наследия. Опираясь на международный опыт, автор приводит различные примеры рисков, встречающиеся в музейной практике и сфере культурного наследия. Подчеркивается их многообразие, которое выходит за рамки физической безопасности. Описана модель по работе с рисками, которая заимствована из финансовой сферы и успешно реализуется при работе с наследием. Все шаги в процессе управления рисками кратко объяснены для понимания комплексного подхода в процессе сохранения культурного наследия.

Проанализирован опыт трех регионов. Иорданский опыт археологического парка в Петре, где проведена масштабная и первая комплексная работа по выявлению буферной зоны объекта. Зонирование данного объекта позволило провести отдельную оценку рисков и выявить наиболее уязвимую территорию. Португальский опыт ревалоризации церковного наследия исторического центра города Порту сосредоточен на превентивном анализе туристических рисков, которые до этого не рассматривались детально.

Японский подход работы с замками и храмами в Киото, построенными по традиционным технологиям, показывает важность использования классических материалов для поддержания аутентичности. Показан опыт совместной кооперации с местным населением в процессе сохранения культурного наследия.

Ключевые слова: риск-менеджмент культурного наследия, безопасность объектов культурного наследия, работа с местным населением, риск, культурное наследие, музейная безопасность, сохранение культурного наследия.

Для цитирования: Поляков С.А. Международный опыт применения системы риск-менеджмента в сфере культурного наследия. *Наследие и современность*. 2020;3(2):64–73.

Риски существуют на протяжении всей человеческой истории, и сфера культурного наследия не является исключением. В 20-е годы XX века экономист Франк Найт издает свою работу «Риск, неопределенность и прибыль», спустя век так и не появляется общепринятой дефиниции понятия «риск», многие исследователи рассматривают его как синоним угрозы. Тем не менее, в рамках управления культурным наследием, будет использоваться следующее определение, разработанное ЮНЕСКО. Под риском подразумевается «как упущенная возможность, так и потенциальная угроза» [1]. Анализируя небольшой промежуток времени, можно убедиться в разнообразии рисков в сфере культурного наследия.

30 марта 2020 года единственная принадлежащая музею Гронингена в Нидерландах картина Винсента ван Гога «Весенний сад» была украдена из музея «Зингер», куда была передана на временную выставку [2]. Музей в это время был закрыт из-за вспышки коронавирусной инфекции.

22 марта, немного ранее, в Хорватии произошло сильнейшее за последние 140 лет землетрясение магнитудой 5.4 по шкале Рихтера [3], в результате которого пострадало большинство музеев столицы страны – города Загреб.

14 марта этого же года из галереи Оксфордского университета, закрытой по причине сложной эпидемиологической ситуации, были похищены три произведения искусства, среди которых работа XVII века фламандского художника Антониса ван Дейка «Солдат верхом на лошади» [4].

В апреле 2020 года группа людей мошенническим путем украла более двух миллионов фунтов стерлингов у Государственного музея Твенте, выдав себя за английского арт-дилера Саймона Дикенсона. Музей планировал купить пейзаж 1824 года кисти Джона Констебля [5].

Американский опыт, в частности Музея современного искусства Индианаполиса, показал, что финансовый риск остается самым серьезным для частных музеев. Упомянутый музей, который в следующем году должен был отпраздновать свое двадцатилетие, был вынужден полностью прекратить свою деятельность 3 апреля 2020 года, то есть закрыться!

Не осталось без внимания и религиозное наследие. Весной этого года Церковь Англии приняла решение об эвакуации наиболее ценных реликвий стоимостью в несколько миллионов фунтов стерлингов в лондонский Тауэр – одно из наиболее защищенных мест в Королевстве [6].

Это лишь малая часть примеров, которая не затрагивает крупных потерь, таких как пожар в парижском Нотр-Дам или Национальном музее Бразилии.

Несмотря на то, что не существует статистики по утратам объектов культурного наследия, можно смело говорить о многочисленных ежедневных потерях. Международный комитет музейной безопасности при ИКОМ каждый день отслеживает происшествия по всему миру, и год от года их меньше не становится.

О комплексной работе с рисками в сфере культурного наследия заговорили в 80-е годы XX века, разрабатывая систему риск-менеджмента культурного наследия [7]. Герб Стовел выявляет три стадии, которые составляют основу системы.

1. Предварительная работа с рисками.
2. Непосредственное реагирование на происшествие или конфликт.
3. Работа, реализуемая после того, как происшествия или конфликт произошли.

Сама система не является новой, она заимствована из финансовой сферы. Многие подходы, применяющиеся в банковском и страховом секторах, используются и в культурном наследии. Модель по работе с рисками является цикличной и состоит из шести шагов (некоторые исследователи выделяют от 4 до 6 шагов [8; 9], объединяя определенные действия).

1. Изучение контекста работы. На этом этапе необходимо ответить на вопросы «кто», «что», «когда», «где» и «как» делал с объектом культурного наследия. Довольно объемная работа позволит выявить больше рисков на последующих этапах, а также упростит работу в будущем.

2. Идентификация рисков. Данный процесс может выполняться различными методами, такими как «мозговой штурм», интервью, метод Делфи, работа с чек-листами, *Swift*-анализ, дерево событий, «галстук-бабочка» и др. Выбор зависит от компетенций руководителя, а также располагаемых ресурсов.

3. Оценка рисков. Осуществляется по классической формуле – произведение вероятности и ущерба от наступления риска. Этап важен при ранжировании и последующем нанесении на тепловую карту для визуального понимания приоритетности работы с тем или иным риском.

4. Разработка стратегий смягчения последствий рисков.

5. Развитие выявленных стратегий. В зависимости от технических, интеллектуальных и финансовых ресурсов, не все стратегии могут быть реализованы, на данном этапе выявляются наиболее приемлемые.

6. Внедрение стратегий.

Как было сказано выше, данная модель является цикличной, после внедрения всей системы риск-менеджмента необходим мониторинг и актуализация всех этапов. Качественная работа должна быть налажена через «культуру риска» – ситуации, при которой любой сотрудник может помочь в процессе управления рисками, при этом ему создана комфортная атмосфера для этого.

Как правило, в сфере культурного наследия работа с рисками всегда ведется, но ее нельзя назвать комплексной или системной. Зачастую очевиден перекос только в сторону физической безопасности и вне зоны рассмотрения оказывается большой пласт рисков. Тем не менее, существует опыт разных стран [10, 11], где данную систему использовали, и он может быть полезен для всех, кто задействован в сфере сохранения и управления культурным наследием.

Одним из крупных реализованных проектов является работа по управлению рисками в Петре, Иордания. Археологический парк является объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО и находится под пристальным контролем многих организаций. Большое количество рисков стало причиной для их исследования и поиска мер по их минимизации. Инициаторами *“Risk Mapping Project”* выступили офис ЮНЕСКО в Аммане, Международный центр консервации имени Реймонда Лемера и Католический университет в Левене, Бельгия [12].

Археологический парк Петры является популярным у туристов и ежедневно подвергается опасностям как природным, так и антропогенным. Увеличивающийся туристский поток лишь ухудшает ситуацию, так как повышается уровень криминогенной обстановки, вандализма, а также загрязнения, которое совместно с естественной эрозией уничтожает уникальные памятники, сделанные из песчаника. Отсутствие комплексного плана по управлению объектом, туристскими потоками и четко обозначенных границ буферных зон вокруг парка усугубляли ситуацию. Площадь парка составляет более 26 000 га, что делает очевидным необходимость зонирования всей территории. Иорданский опыт перекликается с российским – отсутствие четко обозначенных (в том числе законодательно) буферных зон ставит риск потенциальной застройки по периметру и некорректного использования территории, что сказывается как на самом объекте наследия, так и на культурном ландшафте в целом.

С 60-х годов XX века в различных документах упоминаются границы Археологического парка Петры, с каждым десятилетием они изменялись вплоть до 1993 года, когда происходила подготовка к номинированию объекта в список Всемирного наследия. Тем не менее, до 2011 года происходили корректировки, и связаны они были с планом развития региона в целом. Хотя ЮНЕСКО и требует наличия определенной буферной зоны вокруг объекта, до 2011 года картографирование с выделением всех зон так и не было осуществлено [12].

В рамках исследования территории эксперты проанализировали как природные зоны, такие как долины рек, зеленые насаждения, зона сельского хозяйства, так и инфраструктуру, связанную с человеком, – зоны парковки, жилой застройки, школы, транспортные развязки и др. При данном подходе стала возможна работа с каждой конкретной зоной: от выявления потенциальных рисков до реализации мер по их минимизации. Важными участками оказались точки с панорамными видами, где можно наблюдать весь культурный ландшафт. Наиболее масштабная часть проекта была посвящена этапу по сбору информации – анализу всех документов, связанных с управлением археологического парка, как исторических, так и актуальных. Это позволило выявить важные лакуны, которые использовались и девелоперами при застройке территории, примыкающей к археологическим достопримечательностям.

В результате было выделено девять зон, в отношении которых был проведен аксиологический анализ и оценка рисков. Ранжирование зон по величине угроз позволило выявить наиболее уязвимые места. Исследователи понимали, что план развития территорий вокруг Археологического парка Петры не будет изменен законодательно, тем не менее, они спрогнозировали потенциальный рост урбанизации и застройки, которая повлияет на культурный ландшафт региона и выработали рекомендации по расширению буферной зоны, апеллируя к требованиям ЮНЕСКО о наличии такой зоны. Требования Центра всемирного наследия по расширению такой зоны не более чем на 10% были соблюдены.

Стоит подчеркнуть, что рабочая группа всегда акцентировала важность и неприкосновенность уже существующих владений вблизи археологических мест, тем самым минимизируя потенциальный конфликт с местным населением. Увеличение буферной зоны всегда рассматривалось с точки зрения выгоды для людей, проживающих вблизи. К таким выгодам относилось создание зон отдыха и экологических исследовательских и образовательных центров.

Выделяя угрозы, эксперты пришли к выводам, что наибольшую опасность со стороны природных факторов представляет водная и ветровая эрозия. С антропогенной стороны к значимым рискам отнесли работу менеджмента археологического парка, использование древних археологических структур не по назначению, увеличение числа лагерей бедуинов, загрязнение территории и деятельность туристов. Обратим внимание, что была выделена работа тех, кому вверено управление культурным наследием. Некомпетентность руководителей может стать более разрушительной, чем туристы или бедуины.

Из девяти выделенных зон на 2012 год была детально проработана одна, так что работа по управлению с рисками в Петре ведется и в настоящее время. Апробированная методология показала свои сильные и слабые места, последние, как правило, связаны со спецификой конкретного объекта культурного наследия и законодательного контекста страны.

Полезен португальский опыт по включению религиозных объектов в туристские и паломнические маршруты. В 2015 году Университет Портукаленсе совместно с департаментом по туризму города Порту начали изучение потенциального включения семи церквей в существующие религиозные маршруты. Город Порту располагается на пересечении двух крупнейших паломнических путей на Иберийском полуострове – в испанский город Сантьяго-де-Компостела и в португальский город Фатима. Кроме того, город известен как центр винного туризма и серфинга, поэтому туристская нагрузка является значительной. Не все рассматриваемые религиозные объекты были открыты для

посещения, а те, в которые удавалось попасть, проводили лишь службы. Так как государство в рамках национальной программы NORTE 2020 было заинтересовано в развитии культурного наследия, то поддержка оказывалась на всех уровнях. Представителями церквей, местного самоуправления и исследовательских центров было принято решение по предварительному анализу туристских рисков в отношении рассматриваемых объектов, в проекте принимал участие автор статьи. Необходимо сразу сделать уточнение, что все риски не рассматривались, так как данная цель не стояла. Для достижения поставленных задач был реализован проект «Риски наследия: религиозное наследие Порту», который явился дочерним более глобального проекта для исследования потенциала по ревалоризации религиозного наследия города Порту [13].

Методология проекта была основана на предложении Бюро по стратегическому планированию ЮНЕСКО и представляла собой три этапа.

1. Выявление всех заинтересованных сторон (стейкхолдеров), их ожиданий и целей. Так как проект являлся межинституциональным, то было важно учесть мнения всех вовлеченных лиц.

2. Идентификация, оценка, приоритизация рисков и предложение мер по их митигации (смягчению).

3. Мониторинг и разработка рекомендаций по дальнейшей работе с рисками.

Вся работа по риск-менеджменту велась по модели, описанной выше. Сложность представляло отсутствие схожей работы ранее, при исследовании возможных рисков, как правило, выделялась только «туристская активность», которая в данном случае должна быть рассмотрена фрагментарно.

Для выявления потенциальных угроз или упущенных возможностей было принято решение привлечь экспертов из различных областей (религиозной, научной, управленческой). В составленном заранее письме с вопросами объяснялись цели проекта, было дано определение риска в сфере культурного наследия и сформулирована просьба привести перечень потенциальных рисков и дать по возможности их описание. Электронные письма были разосланы специалистам из нескольких стран Европы, которые задействованы в процессе сохранения и изучения религиозного наследия. Попытка проведения частично-структурированного интервью на начальном этапе показала большую временную потерю, что в сжатых сроках проекта нельзя было допускать. По результатам анализа ответов данное описание оказалось крайне полезным, так как специалисты говорили об одном и том же феномене, но называли его по-разному, расшифровка пояснений помогла при группировке рисков. Кроме того, проводились полевые исследования с целью картографирования местности. «Никакое сохранение не может быть успешным, если оно ограничено только элемен-

том или областью в изоляции от окружающей его среды» [14]. Использование стандартных карт в данной ситуации не смогло удовлетворить исследовательским запросам, так как не помогло в идентификации парковочных мест, жилых и коммерческих зон, государственных учреждений, природных зон и заброшенных объектов.

Исходя из всех полученных данных, удалось идентифицировать следующие риски: чрезмерная посещаемость, загрязнение местности, износ объекта, волна преступности (со стороны местного населения), конфликт интересов, массовая дислокация населения, некорректная интерпретация, потеря аутентичности, воровство (со стороны туристов), вандализм, транспортные заторы, непривлекательность объекта.

Оценка и ранжирование всех рисков привело к неожиданным и даже неприятным для некоторых стейкхолдеров результатам. Небольшие по площади церкви с большим количеством мелкой пластики должны пересмотреть концепцию демонстрации объектов религиозного значения, так как велик риск кражи. Также некоторым объектам грозит внутренняя перестройка, пусть незначительная, но все же ведущая к потере аутентичности объекта. Расположение на маленьких улицах привело к невозможности реализации полноценного автобусного тура, включающего все рассматриваемые церкви. Надо сделать уточнение, что город Порту – сильно холмистый, и не все туристы и паломники могут физически ознакомиться со всеми достопримечательностями. Рекомендации, содержащие варианты минимизации возможных рисков были составлены и разосланы всем заинтересованным лицам, которые поставили под вопрос целесообразность включения определенных церквей и капелл в разрабатываемые маршруты. Данный опыт показывает полезность превентивной работы с рисками, но, к сожалению, она не всегда возможна и часто приходится работать с уже существующими проблемами.

Рассмотрим важный опыт Японии, где существует Институт по митигации катастроф городского культурного наследия при Университете Ритсумейкан. Во-первых, данный центр занимается разработкой методических пособий по риск-менеджменту культурного наследия. Во-вторых, институт проводит ежегодные курсы, где специалисты из сферы охраны культурного наследия обучаются управлению рисками. В-третьих, центр постоянно проводит исследования культурного наследия региона и анализ работы с различными видами угроз. Знакомства с их материалами позволяет найти неочевидные способы минимизации рисков и методы работы с местным населением.

В недавних исследованиях [15], был рассмотрен буддийский храмовый комплекс Киёмидзу-дэра, располагающийся в Киото и являющийся объектом Всемирного наследия. В ходе полноценного анализа рисков было выявлено, что традиционные системы строительства являются наиболее сейсмоустойчивыми и поэтому рекомендовано

их дальнейшее использование для поддержания аутентичности. Наиболее слабым местом является пожарная безопасность, в силу упущения которой храм перестраивался несколько раз. Для минимизации данного риска было принято решение установить надежную систему пожаротушения и, что наиболее важно, дальнейшее развитие стратегии по работе с местным населением. Более семидесяти лет жители города и работники храма соблюдают протокол о взаимной помощи. Раз в год проводится обучение использования оборудования для тушения пожаров, а проверка готовности проводится дважды в год. Со своей стороны, храм установил систему по сбору воды и ее бесплатного распространения жителям.

Вовлечение местного населения в процесс сохранения культурного наследия – один из сложнейших процессов. В процессе развития территорий управляющие органы забывают о тех, кто может среагировать максимально оперативно в случае катастрофы. Японское архитектурное наследие, построенное из горючих материалов, является крайне уязвимым, а особенности природного и городского ландшафта затрудняют доступ пожарных служб, так что кооперация владельцев объектов культурного наследия и местного населения показала себя как образцовая и крайне удачная. Кроме того, японцы очень серьезно относятся к использованию традиционных материалов для поддержания аутентичности, понимая их быструю изнашиваемость, руководство включает в план по работе с рисками и регулярную замену деревянных крыш с обязательным сохранением аутентичных художественных элементов. Например, в замке Нидзё замена крыши происходит каждые 30–40 лет, чуть реже аналогичный процесс можно наблюдать и в Киёмидзу-дэра.

Рассмотренные примеры показывают, как единая система работы с рисками может применяться в различных регионах мира. Российская Федерация только знакомится с комплексным подходом по управлению рисками в сфере культурного наследия. Процесс затрудняется отсутствием методических или учебных пособий, а также образовательных программ по данной тематике. Зачастую работа имеет фрагментарный характер и касается только очевидных рисков, таких как пожар или воровство, но, как показывают вышеописанные примеры, рисков существует значительно больше. На данный момент накоплен значительный зарубежный опыт, который может лечь в разработку системы риск-менеджмента культурного наследия в России.

References

1. UNESCO, Risk Management Training. Handbook. 2010.
2. Rea N. Opportunistic Thieves Just Stole a Prized Van Gogh Landscape From a Locked-Down Dutch Museum Under Cover of Night // artnet News [Электронный ресурс].

Электрон. дан. 2020. Режим доступа: <https://news.artnet.com/art-world/thieves-stolen-van-gogh-masterpiece-dutch-museum-1819743>

3. М 5.3 – 2km WSW of Kasina, Croatia // USGS Earthquake Hazards Program of the U.S. Geological Survey [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 2020. Режим доступа: <https://earthquake.usgs.gov/earthquakes/eventpage/us70008dx7/executive>

4. Van Dyck Painting Stolen from University of Oxford Gallery // BBC News [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 2020. Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/uk-england-oxfordshire-51897201>

5. Southworth P. Hackers Pretending to Be Art Dealer Convinced Museum to Pay Them £2m for John Constable Painting // The Telegraph [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 2020. Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/news/2020/04/11/hackers-pretending-art-dealer-convinced-museum-pay-2m-john-constable/>

6. Swerling G. Church of England Moves Valuables to Tower of London Amid Fears of Coronavirus Lockdown Looting // The Telegraph [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 2020. Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/news/2020/04/12/church-england-moves-valuables-tower-london-amid-fears-lockdown/>

7. Stovel H. Risk Preparedness: A Management Manual for World Cultural Heritage. Rome: ICCROM, 1998. 153 p.

8. Jigyasu R. Heritage and Resilience. Issues and Opportunities for Reducing Disaster Risks. 2013.

9. UNESCO, Managing Disaster Risks for World Heritage. 2010.

10. UNESCO / ICCROM / ICOMOS / IUCN, Managing Cultural World Heritage. 2013.

11. UNESCO / ICCROM / ICOMOS / IUCN, Managing Natural Cultural Heritage. 2012.

12. UNESCO, Risk Management at Heritage Sites. A Case Study of the Petra World Heritage Site. 2012.

13. Valorização do Património Religioso do Centro Histórico do Porto. Identificação do Projecto. Ric Porto [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 2020. Режим доступа: <https://ric-porto.pt/ficha-final-do-projeto/>

14. Kozlowski J., Vass-Bowen N. Buffering External Threats to Heritage Conservation Areas: A Planner's Perspective // Landscape and Urban Planning, 37, 1997. P. 245–267.

15. Tokyo Development Learning Center, Technical Deep Dive on Resilient Cultural Heritage and Tourism. 2017. 66 p.

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF RISK MANAGEMENT APPLICATION IN THE FIELD OF CULTURAL HERITAGE

S. Poliakov

travel.poliakov@gmail.com

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia

Abstract. The article discusses risk management system of cultural heritage. The author gives various examples of risks encountered in museum practice and cultural heritage field, based on international experience. Their diversity, that is far beyond physical security, is highlighted. Risk-based model, which is borrowed from the financial sector and is successfully applied in the field of cultural heritage, is described. All steps in the risk management process are briefly explained in order to understand the integrated approach to the preservation of cultural heritage.

The experience of three regions is analyzed. The Jordanian experience of the Petra archaeological park shows large-scale and first comprehensive work to identify object's buffer zone. Zoning made possible to conduct a separate risk assessment and identify the most vulnerable area. Portuguese experience in revalorizing church heritage of the historic center of Porto is focused on tourism risks preventive analysis, that had not been examined in detail before.

The Japanese approach of work with castles and temples in Kyoto built on traditional technologies shows the importance of using classic materials to maintain authenticity. The experience of joint cooperation with the local community in the process of preserving the cultural heritage is shown.

Keywords: risk management of cultural heritage, cultural heritage security, work with local community, risk, cultural heritage, museum security, preservation of cultural heritage.

For citation: Poliakov S. International Experience of Risk Management Application in the Field of Cultural Heritage. *Heritage and Modern Times*. 2020;3(2):63–73.

Сведения об авторе

Поляков Сергей Александрович, магистрант второго курса кафедры музеологии факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
E-mail: travel.poliakov@gmail.com

Author of the publication

Sergey Poliakov, 2nd year MA student, Museology Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
E-mail: travel.poliakov@gmail.com

Дата поступления 05.06.2020

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 7.033

ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТАТАРСКОГО ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И МАСТЕРА

Р.Р. Юсупов¹, А.Ф. Зиннурова²

iyali.anrt@mail.ru

¹Институт языка, искусства и литературы им. Г. Ибрагимова АН РТ

²Казанский государственный архитектурно-строительный университет
г. Казань, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются истоки древнебулгарского декоративно-прикладного искусства и преемственности эстетики и традиций в три периода развития татарской государственности в X–XVI веках.

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, народное творчество и промыслы, эпоха Волжской Булгарии, Золотая Орда, Казанское ханство, преемственность традиций, мастера-художники.

Для цитирования: Юсупов Р.Р., Зиннурова А.Ф. Фрагменты истории средневекового татарского декоративно-прикладного искусства: преемственность и мастера. *Наследие и современность*. 2020;3(2):74–79.

В широкий спектр художественной культуры и художественного процесса булгаро-татарского народа периодов Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства безусловно входили и яркие страницы истории декоративно-прикладного искусства, народного творчества и промыслов. Эпоха Волжской Булгарии – первого раннефеодального государства на территории современного Татарстана и соседних земель ведёт начало с VIII века и заканчивается в конце первой трети XIII столетия.

Привнесённые тюрками-булгарами великой Булгарии из Причерноморья и Северного Кавказа навыки ремесла, строительства, кузнечного и оружейного дела, ткачества, резьбы по камню, ювелирного искусства, кожаной мозаики, керамики и многих других видов декора-

тивно-прикладного творчества органично соединились с промысловыми традициями местных угро-финских и славянских племён. Принятие ислама в 922 году и воздействие арабо-мусульманской, восточной культуры внесло в болгарское искусство новые эстетические традиции. Высокий уровень цивилизационного развития Волжской Булгарии отмечен расцветом городской культуры и ремёсел. Археологам известны около 100 городищ до монгольского завоевания, среди которых выделялись Биляры, Булгар и Сувар с многотысячным населением, известные в странах Востока, Европы и Руси [1, с. 170].

Исследователи декоративно-прикладного искусства волжской Булгарии, внесшие значительный научный вклад в искусствоведение данной проблемы, Ф.Х. Валеев и Г.Ф. Валеева-Сулейманова отмечали: «У болгар формируется собственная литература, поэзия, просвещение, искусства, наука... Расширяется сеть начальных учебных заведений типа мэктебов и духовных семинарий-медресе, появляется немало пресвященных людей... Круг представителей болгарской культуры можно дополнить и профессиональными зодчими, строителями, художниками и искусными ремесленниками, творения которых создали самобытность художественной культуры средневековой Булгарии» [2, с. 42–43].

Предполагается, что тогда в некоторых медресе появляются зачатки художественного образования, особенно в каллиграфии, книжной миниатюре, эпиграфике. Сложные процессы этногенеза татарской народности, происходившие на древнеболгарской основе, включая в себя родственные тюркские кыпчакские племена, ассимилируя часть угро-финских народов, находили отражение в искусстве. Оно уже выступало, – определяла известный искусствовед С.М. Червонная, – как новое явление, порождённое иными условиями жизни, иным, более высокими уровнем этнической консолидации и даже укреплением мусульманской ментальности. Это выражалось и в особой поэтике мемориально-надгробных сооружений... Скульптур-резчик должен быть высокообразованным человеком, не просто грамотным, но эрудированным, не только художником, но и немного поэтом [3, с. 107–109].

Преемственность и взаимопроникновение эстетических концепций были характерными для керамики, ювелирного искусства, резьбы по камню. Сравнительное изучение рецептов и технологий производства в стеклоделии позволяют установить тесную связь с крупнейшими мусульманскими ремесленными центрами средневековья. В мастерских работали ремесленники разной квалификации, что предполагало цикл цехового ремесленного обучения. В болгарских городах археологи обнаружили мастерские армянских, русских мастеров. Так, в Биляре XII века были найдены остатки мастерской русских мастеров по янтарю, работавших по заказам болгарской знати [4].

И, наоборот, при строительстве храма Покрова на Нерли, великий князь Владимирский Андрей Боголюбский, женатый на знатной болгарке, приглашал и болгарских мастеров каменного дела, привнёсших болгарские мотивы в декоре церкви [5, с. 109–110].

Творческую фантазию болгарских мастеров отмечал Ф.В. Баллод в книге «Приволжские Помпеи», описывая мозаику в архитектуре как творения художников-поэтов. Говоря о преемственности и одновременно творческой свободе художественного процесса того времени, С.М. Червонная отмечала, что искусство керамики передавалось по наследству, и в это наследство входило не только мастерская и сумма рецептов и навыков обращения с огнём и глиной, но и определённая художественная концепция. При этом керамика не была унифицирована, была достаточно разнообразной. Это касалось, в том числе, и ювелирного мастерства, когда болгарские мастера-ювелиры, передавая из поколения в поколение свои навыки и творческий опыт, создали уникальные изделия декоративно-прикладного искусства [3, с. 59–60].

Для болгарской керамики были характерны симметричность, устойчивость, изящная простота, резкая орнаментация и собственная технология полива. Строго говоря, к XI веку во многих видах ремёсел декоративно-прикладного творчества становится заметной разница между простой, далёкой от искусства, бытовой продукцией сельских ремесленников и совершенным в эстетическом отношении искусством городских мастеров, у которых уже получила развитие система строгой профессиональной учёбы – подготовка подмастерьев при опытных художниках-творцах.

Болгарские традиции декоративно-прикладного искусства сохранились и в период Золотой Орды, в состав которой в 40-е годы XIII века вошла Волжская Булгария в статусе вассальной зависимости, а город Булгар даже на время стал первой временной столицей хана Батыея. Позднее началось строительство столицы империи джугидов, которой стал Сарай ал-Махруса, т.е. Богохранимый Сарай с населением в 75 тыс. человек, он располагался у села Селитренного нынешней Астраханской области. С XIV века новой столицей становится Сарай ал-Джадид (Волгоградская область). Города Золотой Орды стали центрами новой золотоордынской цивилизации, включившей в себя культуры восточного (исламского), тюркско-болгарского, европейского и славянского миров. Нельзя не согласиться с утверждением Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой и многих других исследователей, что на «территории Волжской Булгарии преемственная культура болгарской народности вошла в симбиоз с золотоордынской имперской культурой, в результате чего возник местный болгаро-татарский вариант со своей художественной спецификой... Булгарские мастера сыграли значительную роль в развитии культуры, архитектуры и ремесел в Золотой Орде. Однако и болгарская культура оказалась в новой системе эстетических ценностей» [6; 7].

Завершающим этапом в развитии татарской феодальной культуры стал период Казанского ханства (XV – середина XVI вв.). Территория ханства охватывала около 300 тыс. кв. вёрст (больше, чем Франция) с населением, примерно, 2,5 млн человек [1, с. 230]. «Не приходится сомневаться в том, – пишет известный историк И.Р. Тагиров, – что, с одной стороны, оно являлось осколком Золотой Орды и во многом было ее продолжением, а с другой стороны – продолжением Булгарского государства» [8, с. 108].

Художественная культура, эстетические концепции, традиции предыдущих веков на этих землях, обогатившись синкретизмом и гармонией взаимопроникновения, стали основой нового взлёта декоративно-прикладного искусства. Прогресс касался всех проявлений культуры татарского народа – уровня образования, распространения письменности, литературы, поэзии, науки, градостроительства, ремёсел. Городские мастера-ремесленники имели высокую профессиональную квалификацию, о чем свидетельствуют археологические находки на территории Татарстана и коллекции многих известных музеев мира.

К сожалению, об уровне декоративно-прикладного искусства казанских татар до присоединения к русскому государству в 1552 году, о зрелом творчестве местной художественной школы, подготовке новых поколений мастеров приходится судить, прежде всего, по археологическим находкам. Найденные надгробия говорят о вершине мастерства резьбы по камню, свидетельствуют о высоком профессионализме и художественном вкусе создателей. «Тексты татарских надгробий, – замечает С.М. Червонная, – вообще неотделимы от их целостной художественно-образной структуры... В самой виртуозности эпиграфики проявлялись и образованность, и чувство декоративности мастера-резчика, и поэтическое содержание». Такова, например, надпись на памятнике Джиханши сына Сейдтека с Кладбища села Нократ 1522 года: «Для смерти радость настала, наша радость ушла, как будто коварным соколом улетела... О юноша, душа моя не радуется, отними мою душу...» [3, с. 151].

Развитие татарской культуры, её духовного и материального расцвета, было прервано трагедией завоевания Казани 1552 года. Разрушение столицы, уничтожение мечетей, переселение татар, русификация и христианизация феодальной элиты, многие запреты царской администрации практически уничтожили городскую культуру татар на ряд столетий. Из Казани в 1552 году шло полное изгнание татар, лишь в болотистой местности за Булаком позволено было поселиться около 1 тыс. человек, лояльных к новой московской власти. Выселение татар из деревень, расположенных в 20–30 километровой зоне крупных рек, где располагались основные запасы специальной глины для керамики, сузило гончарное дело. Из опасения производства оружия было запрещено и кузнечное ремесло, что парализовало оружейное искусство [2, стр. 42].

Гибельным для духовной и материальной культуры татар, образования, науки, искусства, в том числе декоративно-прикладного, стало практически полное исчезновение феодальной элиты, выступавшей основным заказчиком творений мастеров-ремесленников. Исчезли зодчество, монументально-декоративные искусство, с разрушением мечетей пришли в упадок каллиграфия, миниатюры, а прекращение собственной торговли привело к падению ювелирного искусства, кожаной мозаики, золотошвейного дела и других видов ремёсел. По сути дела, была уничтожена городская татарская цивилизация (в XVIII веке 99% татар проживали в сельской местности) [3, с. 238].

Пожалуй, наиболее образно и ярко оценила трагические последствия для средневекового татарского искусства С.М. Червонная: «Творения, вызывавшие восторженное изумление самых просвещённых европейцев, которых нелегко было чем-либо поразить в эту эпоху расцвета ренессансной культуры на Западе и русского искусства в Московском государстве, произведения, воплощавшие в себе талант, мастерство, высочайший взлёт народа, ощутившего своё национальное единение, оказалось бесследно исчезнувшими с татарской земли...» [3, с. 133]. К сожалению, исчезли не только плоды рук мастеров-художников, но и сами мастера сходили с исторической и социальной сцены на многие столетия, оставив о себе прекрасную память, эстетику, навыки для возрождения в будущем. Сохранившиеся народные промыслы, декоративно-прикладное творчество оставшихся искусных мастеров продолжили преемственность для талантливых потомков.

Литература

1. Тагиров Э.Р. Татары в оптике большой истории человечества: миротворческий аспект. Казань, 2019. 328 с.
2. Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарстана. Казань, 2002. 104 с.
3. Червонная С.М. Искусство Татарии. Москва, «Искусство», 1987. 352 с.
4. Валеев Р.М. Промыслы в экономике Волжской Булгарии домонгольского периода (X–XIII вв.). Сб. Сохранение и развитие народных художественных промыслов в едином культурно-образовательном пространстве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 24–25 ноября 2013 г. Казань, 2013. С. 19.
5. Федоров В. Нижегородская домовая резьба. Нижний Новгород, 2008. С. 109–110.
6. Татары. М., Наука, 2001. С. 74, 449.
7. Аблязов К.А. Историческая судьба татар от племени к нации. Т. 1. Саратов, 2019. С. 408.
8. Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань, 2008. С. 108.

FRAGMENTS OF MEDIEVAL TATAR DECORATIVE AND APPLIED ART HISTORY: CONTINUITY AND MASTERS

R. Yusupov¹, A. Zinnurova²

iyali.anrt@mail.ru

¹G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art

²Kazan State University of Architecture and Engineering

Kazan, Russia

Abstract. *This article considers the origins of ancient Bulgarian decorative and applied art and the continuity of aesthetics and traditions during three periods of the Tatar statehood development in the X–XVI centuries.*

Keywords: *arts and crafts, folk art and crafts, the era of the Volga Bulgaria, the Golden Horde, the Khanate of Kazan, the continuity of traditions, craftsmen.*

For citation: Yusupov R., Zinnurova A. Fragments of medieval Tatar decorative and applied art history: continuity and masters. *Heritage and Modern Times*. 2020;3(2):74–79.

References

1. *Tagirov E`R.* Tatars` v optike bol`shoj istorii chelovechestva: mirotvorcheskij aspekt. Kazan`, 2019. 328 s.
2. *Valeev F.X., Valeeva-Sulejmanova G.F.* Drevnee iskusstvo Tatarstana. Kazan`, 2002. 104 s.
3. *Chervonnaya S.M.* Iskusstvo Tatarii. Moskva, «Iskusstvo», 1987. 352 s.
4. *Valeev R.M.* Promy`sly` v e`konomike Volzhskoj Bulgarii domongol`skogo perioda (X XIII vv.). Sb. Soxranenie i razvitie narodny`x xudozhestvenny`x promy`slov v edinom kul`turno-obrazovatel`nom prostranstve. Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii 24 – 25 noyabrya 2013 g. Kazan`, 2013. S. 19.
5. *Fedorov V.* Nizhegorodskaya domovaya rez`ba. Nizhnij Novgorod, 2008. S. 109–110.
6. *Tatars` M.*, Nauka, 2001. s. 74, 449.
7. *Ablyazov K.A.* Istoricheskaya sud`ba tatar ot plemeni k natsii. T.1. Saratov, 2019. s. 408.
8. *Tagirov I.R.* Istoriya nacional`noj gosudarstvennosti tatarskogo naroda i Tatarstana. Kazan`, 2008. s. 108.

Сведения об авторах

Юсупов Ривкат Рашидович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, г. Казань, Республика Татарстан, Россия.

E-mail: iyali.anrt@mail.ru

Зиннурова Альфия Фидайловна, преподаватель Казанского государственного архитектурно-строительного университета, г. Казань, Республика Татарстан, Россия.

E-mail: iyali.anrt@mail.ru

Authors of the publication

Rivkat Yusupov, Doctor of History, Professor, Chief Researcher of G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Kazan, the Republic of Tatarstan, Russia.

E-mail: iyali.anrt@mail.ru

Alfiya Zinnurova, teacher of the Kazan State University of Architecture and Engineering, Kazan, the Republic of Tatarstan, Russia.

E-mail: iyali.anrt@mail.ru

Дата поступления 28.05.2020

МОТИВ ТРИЛИСТНИКА В ЮВЕЛИРНОМ ИСКУССТВЕ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ XI – НАЧАЛА XIII ВЕКА

К.А. Руденко

murziha@mail.ru

Казанский государственный институт культуры
г. Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются художественные особенности дизайна ювелирных украшений Волжской Булгарии – государства, существовавшего в Восточной Европе в X – начале XIII века. Они относятся к большой группе артефактов, выполненных из серебра с использованием специального состава – черни. Это персти, являвшиеся массовой продукцией нескольких ювелирных мастерских, крупнейшими из которых были мастерские Великого города – Биляра. Значительная часть их была украшена мотивом трилистника или крина (лилии). Автором установлено, что этот мотив на ранней стадии (XI век) был заимствован болгарскими ремесленниками у ювелиров мусульманских стран и через них у византийских образцов. Его развитие происходило на местной основе, хотя со второй половины XII в. некоторые разновидности этого мотива развились под влиянием школы ювелиров Владимира или Суздаля. Автором рассмотрены четыре группы мотивов на основе трилистника, образующих несколько хронологических групп в рамках XI – начала XIII в.

Ключевые слова: Волжская Булгария, торевтика, серебряные перстни, чернь, Иран, керамика, трилистник, крин.

Для цитирования: Руденко К.А. Мотив трилистника в ювелирном искусстве Волжской Булгарии XI – начала XIII века. *Наследие и современность*. 2020;3(2):80–84.

Мотив трилистника и крина (лилии) в древнем и средневековом искусстве распространён весьма широко вне временных и территориальных границ. Однако для болгарского искусства классической эпохи (XI–XII вв.) он явился достаточно новым явлением по сравнению с предшествующим временем. Ф.Х. Валеев, исследовавший искусство волжских болгар, отдельно его не выделял, включив в общую группу цветочно-растительных узоров, хотя и отметил его использование на серебряных перстнях с чернью [1, с. 88, 114, рис. 30: 17]. Этот факт также был отмечен нами при изучении этой категории артефактов [2, с. 64–67].

Мотив крина запечатлён, в основном, на ювелирных изделиях или на предметах художественного металла. В одном случае мотив трилистника отмечен на красноглиняном сфероконусе со штампованным декором, что является исключением в дизайне этой категории керамики и позволяет предположить, что это артефакт импортный.

На ювелирных изделиях мотив трилистника встречен, в основном, на серебряных перстнях с чернью, миниатюрных коробочках-подвесках и отдельных предметах, например, на накладке от парадной уздечки или на капторге [2, с. 66, 73, рис. 115, 123].

Различаются четыре группы композиций.

Группа I: разомкнутая композиция (т.н. «подковка») с одним трилистником в центре, обрамлённом с боков изогнутыми в виде лиры стилизованными растительными побегами с двумя отростками на каждой из сторон; Трилистник, в данном случае – раппорт лозы, завершают сомкнутые окончания побегов [2, с. 123, рис. 10: а].

Группа II: замкнутая композиция (кольцевая) с одним крином в центре и с шестью выступами по внешнему контуру. Она имеет две разновидности. Вид II-а – с двойным контуром, каждый из которых дублирует друг друга [2, с. 117, рис. 3: 6]; вид II-б – с одинарным контуром. Вид II-б делится на три отдела. Первый отдел (II-б1) – крин является завершением стилизованных побегов [2, с. 117, рис. 3: 4]. В этом отделе имеется один тип мотива (II-б1.1): крин замещён четырёхконечным крестом, касаясь контура изнутри, с деформацией последнего в верхней части [2, с. 117, рис. 3: 7]. Второй отдел (II-б2) – крин вписан в кольцо или овал с крючковидными выступами, касаясь своими нижними окончаниями его изнутри в нижней трети рисунка, при этом между контуром и крином в нижней части образуется подтреугольная фигура [2, с. 117, рис. 3: 2, 3]. В этом отделе выделяются три типа мотива. Первый тип (II-б2.1) аналогичен типу II-б1.1: крин перекрывается четырёхконечным крестом, выходящим за пределы контура и сливающимся с боковыми выступами [2, с. 117, рис. 3: 10]. Ещё один подтип (II-б2.2), вероятно, самый поздний – крин заменён смыкающимися в центре двумя дугами на фоне поперечной перекладины четырёхконечного креста [2, с. 117, рис. 3: 8]. Очевидно, что это развитие композиции подтипа II-б2.1. Третий отдел (II-б3) – кольцо «разорвано» внизу и окончания кривой соединены прямой линией, окончания которой смыкаются с нижними выступами [2, с. 117, рис. 3: 11].

Группа III: замкнутая композиция (кольцевая) с одним трилистником в центре и с четырьмя выступами по внешнему контуру. Можно выделить два вида, различающиеся характером рисунка, вписанного в кольцо. Вид III-а – трилистник внутри кольца – стилизованный раппорт лозы, длинные стебли которой, изгибаясь, замыкаются в кольцо над соединившимися в цветок, напоминающий лилию (крин), окончаниями с симметрично расположенными парой листочков, сохраняя скобчатую форму основания [2, с. 382, кат. 80,81]. Аналогии этому мотиву, только более реалистические, можно найти на древнерусских черненых обручах-браслетах с позолотой конца XII – начала XIII в. [3, с. 87, 92, 118, № 234]. Здесь исходящие из соцветия тычинки выступают за замкнутый контур стеблей лозы, образуя тем самым выступы на внешнем контуре. На болгарских изделиях этот вид мотива стилизован и от исходного рисунка остались только выступы на внешнем контуре. Вид III-б – вместо трилистника в кольцо вписан четырёхконечный вертикальный крест с фигурными перекладинами, напоминающий распутившуюся розетку, если смотреть на неё сверху [2, с. 368, кат. 33].

Группа IV: фигурная композиция с двумя стилизованными кринами, вписанными в геометризированную композицию. Представлен одним видом IV-а. Здесь на рисунке изображены два крина, соединенные вершинами средних лепестков. Различаются два отдела. Первый отдел IV-a1 – в основе композиции две соединенных «подковки» группы I, замкнутые в кольцо двумя дугами с боков [2, с. 123, 369, рис. 10: 3, кат. 38]. Второй отдел IV-a2 является производным от IV-a1. В основе – композиция предшествующего отдела, только развернутая по горизонтали и без нижней части «подковок», что превратило крин в крестовидную фигуру [2, с. 123, 370, рис. 10: 2, кат. 42]. Более стилизованный вариант этого отдела (мотив «бабочка») представлен на перстне из Булгара [2, с. 368, кат. 32], а развитие крестовидного мотива в завершенном виде мы видели на примере вида III-б. К этой группе мотивов с трилистником нужно отнести и композицию из двух последовательно расположенных кринов, один из которых, меньшего размера, как бы «вытекает» из предыдущего.

Есть ещё одна группа композиций, где фигурирует мотив крина [2, с. 116, рис. 2: 1,4], но структура рисунка здесь построена на иной основе и в данной статье не рассматривается. Мотив трилистника использовался при украшении капторги из Спасского клада 1869 г. Этого сюжета мы касались ранее [2, с. 66].

Таким образом, если рассматривать эволюционный ряд развития мотива трилистника на ювелирных болгарских изделиях, то выделяются 4 хронологических группы.

1. XI в. На серебряных перстнях представлена первая группа композиций и тип II-б1.1.

2. Конец XI – начало XII в. Третья (вид II) и четвертая группы.

3. XII в. Третья группа вид III-а.

4. Вторая половина XII в. Вид III-б.

При этом тиражирование рассмотренных композиций, возникших в XI в. могло продолжаться и на изделиях XII в., как и сами изделия с этими изображениями бытовали десятилетия спустя после их изготовления.

В заключение рассмотрим вопрос об истоках мотива трилистника. Мотив трилистника в форме лилии (крина) распространится в исламском искусстве с IX–X в. Истоки его можно найти в изображениях на резном стуке (стиль В) омейядского времени в Самарре (IX в.) как трансформации виноградной лозы [4, с. 196–197]. На предметах тюреттики этот мотив встречен на серебряных поясных накладках из Мышеловки, датированных XI в. [5, с. 54–55, 131, №54, табл. 41: 14–16]. В.П. Даркевич предположил, что они изготовлены в Иране или Центральной Азии. В Западном Иране в XII в. были сделаны бронзовая бутыль и, вероятно, ступка в декоре которых использован этот мотив [6, р. 62, 163, fig. 44, 137].

Также данный мотив встречен на резных алебастровых панелях в жилых постройках на городище Сайёд IX–X вв. в Таджикистане и в декоративной кирпичной кладке жилого дома XI–XII в. на городище Дашлыджа-тепе в Южном Туркменистане [7, с. 249; 8, с. 169, рис. 150].

Мотив трилистника встречается на восточной поливной керамике XI–XII вв., например, чашах из Багдада [9, pp. 278, 281, fig. 617, 624]. Интересна композиция из трёх сердцевидных фигур в виде розетки с вписанными в них трилистниками на керамическом штампе из Западного Ирана, датированного XI–XII вв. [10, p. 150, cat. Af.13]. В XI–XII вв. этот мотив, давший много производных композиций, встречается на ювелирных изделиях Древней Руси [3, с. 18].

Таким образом, мотив трилистника (крина) на болгарских художественных изделиях имеет разное происхождение, как правило, из двух направлений заимствований: восточном, в широком смысле, (Иран-Сирия-Византия) и северо-западном (Владими́ро-Суздальская Русь), но достаточно выраженную автономную линию эволюции в рамках местной ремесленной традиции.

Литература

1. *Валеев Ф.Х.* Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1975. 216 с.
2. *Руденко К.А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015. 528 с.
3. *Макарова Т.И.* Черневое дело Древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с.
4. *Стародуб Т.Х.* Исламский мир: Художественная культура VII–XVII веков. Архитектура, изображение, орнамент, каллиграфия. М.: Издат. фирма «Вост. лит-ра РАН», 2010. 255 с.
5. *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 200 с.
6. *Baer E.* Metalwork in Medieval Islamic Art. N.-Y.: State University publ., 1983. 371 p.
7. *Хмельницкий С.Г.* Между арабами и тюрками: Раннеисламская архитектура Средней Азии. Берлин-Рига: Continent Ltd., 1992. 334 с.
8. *Хмельницкий С.Г.* Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии IX – начала XIII века. Часть II. Берлин-Рига, «Gamajun», 1997. 230 с.
9. *Philon H.* Early Islamic Ceramics: Ninth to Late Twelfth Centuries (Benaki museum Athens: catalogue of Islamic Art. Vol. I). Athens: Benaki museum Athens, 1980. 324 p.
10. *Watson O.* Ceramics from Islamic Lands: (The Al-Sabah Collection. Dar al-Alhar al-Islamiyyah, Kuwait National Museum). N.-Y.: Thames & Hudson, 2006. 512 p.

TREFOIL MOTIF IN JEWELRY ART OF THE VOLGA BULGARIA IN XI – THE BEGINNING OF THE XIII CENTURY

K. Rudenko

murziha@mail.ru

Kazan State Institute of Culture
Kazan, Russia

Abstract. *This article discusses artistic features of jewelry design of the Volga Bulgaria – the state, that existed in Eastern Europe in the X – early XIII century. The jewelry*

pieces belong to a large group of artifacts, made of silver using special substance – niello. These are rings, that were mass products of several jewelry workshops, the largest of which were the workshops of the Great City – Bilyar. Significant part of them was decorated with trefoil or lily motif. The author found out, that this motif was borrowed by Bulgarian artisans from jewelers of Muslim countries and through them from Byzantine designs at an early stage (XI century). Its development took place on a local basis, although from the second half of the XII century, some variations of this motif developed under the influence of Vladimir or Suzdal jewelers' schools. The author examines 4 groups of motifs, based on a trefoil, forming several chronological groups within the framework of the XI – early XIII centuries.

Keywords: Volga Bulgaria, toreutics, silver rings, niello, Iran, ceramics, trefoil, lily.

For citation: Rudenko K. Trefoil motif in jewelry art of the Volga Bulgaria in XI – the beginning of the XIII century. Heritage and Modern Times. 2020;3(2):80–84.

References

1. Valeev F.X. Drevnee i srednevekovoe iskusstvo Srednego Povolzh'ya. Joshkar-Ola: Marijskoe kn. izd-vo, 1975. 216 s.
2. Rudenko K.A. Bulgarskoe serebro. Drevnosti Bilyara. Tom II. Kazan': Zaman, 2015. 528 s.
3. Makarova T.I. Chervoe delo Drevnej Rusi. M.: Nauka, 1986. 156 s.
4. Starodub T.X. Islamskij mir: Xudozhestvennaya kul'tura VII–XVII vekov. Arhitektura, izobrazhenie, ornament, kalligrafiya. M.: Izdat. firma «Vost. lit-ra RAN», 2010. 255 s.
5. Darkevich V.P. Xudozhestvennyj metall Vostoka VIII–XIII vv. Proizvedeniya vos-tochnoj toreutiki na territorii Evropejskoj chasti SSSR i Zaural'ya. M.: Nauka, 1976. 200 s.
6. Baer E. Metalwork in Medieval Islamic Art. N.-Y.: State University publ., 1983. 371 p.
7. Xmel'niczkij S.G. Mezhdue arabami i tyurkami: Ranneislamskaya arhitektura Srednej Azii. Berlin-Riga: Continent Ltd., 1992. 334 s.
8. Xmel'niczkij S.G. Mezhdue Samanidami i mongolami. Arhitektura Srednej Azii IX – nachala XIII veka. Chast' II. Berlin-Riga, «Gamajun», 1997. 230 s.
9. Philon H. Early Islamic Ceramics: Ninth to Late Twelfth Centuries (Benaki museum Athens: catalogue of Islamic Art. Vol. I). Athens: Benaki museum Athens, 1980. 324 p.
10. Watson O. Ceramics from Islamic Lands: (The Al-Sabah Collection. Dar al-Alhar al-Islamiyyah, Kuwait National Museum). N.-Y.: Thames & Hudson, 2006. 512 p.

Сведения об авторе

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры искусствоведения, живописи и графики Казанского государственного института культуры, г. Казань, Россия.
E-mail: murziha@mail.ru

Author of the publication

Konstantin Rudenko, Doctor of History, Professor of the Department of Art History, Painting and Graphics, Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russia.
E-mail: murziha@mail.ru

Дата поступления 23.05.2020